

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ЕФИМОВА против РОССИИ»

(Жалоба № 39786/09)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

19 февраля 2013 года

вступило в силу 8 июля 2013 года

*Настоящее постановление вступило в силу в соответствии с пунктом 2
статьи 44 Конвенции. Может быть подвергнуто редакционной правке.*

По делу «Ефимова против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая
Палатой, в состав которой вошли:
Изабелла Берро-Лефевр, *Председатель*,
Элизабет Штайнер,
Ханлар Гаджиев,
Линос-Александр Сицильянос,
Эрик Мос,
Ксения Туркович,
Дмитрий Дедов, *судьи*,
и Сорен Нильсен, *Секретарь Секции*,
проведя 29 января 2013 года закрытое совещание по делу,
вынес следующее постановление, утвержденное в вышеназванный
день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано в связи с жалобой (№ 39786/09) против Российской Федерации, поступившей в Суд согласно статье 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) от гражданки Казахстана Вероники Ефимовой (далее — заявительница) 27 июля 2009 года.

2. Интересы заявительницы представляли К. Барановский, С. Бровченко и В. Бокарева, адвокаты, практикующие в г. Москве. Интересы Властей Российской Федерации (далее — Власти) представлял Г. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека.

3. Заявительница утверждала, в частности, что выдача в Казахстан подвергла бы ее риску жестокого обращения; что ее содержание под стражей до выдачи было незаконным; что она не смогла добиться судебного пересмотра соответствующего решения; что ее жалобы на постановления о заключении ее под стражу и продлении срока содержания под стражей не были рассмотрены безотлагательно, и что в ее распоряжении не было эффективных средств правовой защиты в отношении ее утверждения о риске жестокого обращения в случае ее выдачи. Она ссылаясь на статью 3, пункты 1 и 4 статьи 5, а также статью 13 Конвенции.

4. 23 июня 2010 года Председатель Первой Секции принял решение применить правило 39 Регламента Суда, указав Властям, что заявительница не должна быть выслана в Казахстан до получения дальнейшего уведомления, а также принял решение рассмотреть ее

жалобу в приоритетном порядке в соответствии с правилом 41 Регламента Суда.

5. 26 августа 2010 года Председатель Первой Секции принял решение уведомить Власти Российской Федерации о поданной жалобе. Также Суд решил рассмотреть жалобу по существу одновременно с решением вопроса о ее приемлемости (бывший пункт 3 статьи 29 Конвенции).

6. Как Власти, так и заявительница подали дополнительные письменные замечания в феврале и мае 2012 года.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявительница, 1966 года рождения, проживала в Алма-Ате, Казахстан. На настоящий момент она проживает в Москве, Россия.

A. Общая информация по делу, представленная заявителем, и проезд заявительницы в Россию

8. В 2005-2008 годах заявительница занимала пост главы Управления корпоративного бизнеса Банка ТуранАлем («БТА Банк»), частного банка, учрежденного в Казахстане, который на момент рассматриваемых событий возглавлял М. Аблязов.

9. В 2001 году Аблязов занялся политической деятельностью; он основал движение оппозиции «Демократический выбор Казахстана», в 2002 году ему было предъявлено обвинение в коррупции, многие международные наблюдатели считают разбирательство в его отношении политически мотивированным. Согласно утверждению заявительницы, в момент рассматриваемых событий она оставалась политическим сторонником Аблязова, заменив его на посту руководителя созданной им частной компании «Астана-Холдинг». Заявительница не представила никаких дополнительных подробностей предполагаемой поддержки ей Аблязова. После его освобождения на основании президентского помилования в 2003 году Аблязов объявил, что посвятит все свое время бизнесу и воздержится от активного участия в политике. В 2005 году он стал председателем совета директоров БТА Банка.

10. В феврале 2009 года БТА Банк был национализирован в связи с тяжелым финансовым положением. По утверждению заявительницы, национализация банка носила характер рейдерского захвата и являлась скрытой попыткой подавить оппозиционное движение. По словам

заявительницы, сотрудники банка, в том числе и она сама, осуждали национализацию банка, признавая ее незаконной.

11. 23 февраля 2009 года, в то время когда заявительница находилась на стационарном лечении в частной клинике, заместитель Генерального прокурора Республики Казахстан А.Д. и заместитель председателя комитета национальной безопасности («КНБ») ворвались в палату интенсивной терапии, в которой находилась заявительница, несмотря на возражения медицинского персонала, информировали ее о том, что в отношении Аблязова будет возбуждено уголовное дело в связи с его оппозиционной деятельностью, и начали угрожать ей, что будут препятствовать в предоставлении ей медицинской помощи и что будут приняты соответствующие меры в случае, если она откажется следовать их указаниям в проведении дальнейшего уголовного судопроизводства. Они также сказали ей, что вопрос о ее виновности в данном деле будет зависеть не от судов, а от руководства Казахстана.

12. 1 марта 2009 года заявительница прибыла в Россию со своей несовершеннолетней дочерью, которой было на тот момент два года. 15 мая 2009 года заявительница уехала в Азербайджан, а 4 июня 2009 года вернулась в Россию для получения медицинской помощи.

13. 3 июля 2009 года заявительница была задержана с целью дальнейшей выдачи.

14. В июле 2011 года Аблязову было предоставлено убежище в Великобритании.

Б. Уголовное преследование заявительницы в Казахстане

1. Уголовное дело в отношении заявительницы

15. 2 марта 2009 года Генеральная прокуратура Республики Казахстан (далее также ГП Казахстана) возбудила уголовное дело в отношении Аблязова и еще более двадцати лиц, в том числе заявительницы, по подозрению в незаконном присвоении имущества БТА Банка в крупном размере. Делу был присвоен номер 095751701710001.

16. 6 марта 2009 года ГП Казахстана предъявила заявительнице обвинение в хищении финансовых активов БТА Банка в крупном размере, совершенных в составе организованной группы под руководством Аблязова и с использованием служебного положения заявительницы (подпункты «а» и «б» пункта 3 статьи 176 Уголовного кодекса Казахстана («УКК»). В решении говорилось, что в период между 2005 и 2008 годами заявительница, которая была в то время главой Управления корпоративного бизнеса «БТА Банк» и имела доверительные отношения с Аблязовым в связи с тем, что ранее работала вместе с ним, принимала активное участие в присвоении

финансовых активов банка. В частности, вступив в сговор с другими сотрудниками банка, она принимала участие в регистрации, в том числе непосредственно регистрировала, многочисленные оффшорные фиктивные компании, которые Аблязов и его сообщники оформили в качестве филиалов или контролировали, а также утверждала заявки этих компаний на получение кредита на условиях, очевидно невыгодных для банка. Кроме того, она осуществляла надзор за исполнением соответствующих решений кредитного комитета банка. Таким образом, финансовые активы были переведены на имя фиктивных компаний, далее они были легализованы посредством ряда многошаговых операций и были депонированы в иностранных банках на счетах, принадлежащих компаниям, контролируемым Аблязовым и его сообщниками, или на счетах созданных ими филиалах; кредиты так и не были возвращены.

17. 11 марта 2009 года Медеуский районный суд (Алма-Аты) постановил поместить заявительницу под стражу, ссылаясь на то, что она уклонялась от уголовного преследования.

18. 17 марта 2009 года ГП Казахстана объявила заявительницу в международный розыск.

19. 21 марта и 17 июля 2009 года ГП Казахстана предъявила заявительнице обвинение в ряде других эпизодов незаконного присвоения банковского имущества, совершенного по той же схеме, как описано в решении от 6 марта 2009 года.

20. В неустановленный день следственные органы Казахстана выделили в отдельное производство уголовное дело о незаконном присвоении имущества БТА Банка в отношении ряда сотрудников банка, присвоили ему номер 0951701710002 и направили дело на рассмотрение в Алма-атинский районный суд. В список обвиняемых по этому делу заявительница включена не была.

21. 15 сентября 2009 года Алма-атинский районный суд отклонил ходатайство К., адвоката, назначенного заявительницей для представления ее интересов в уголовном разбирательстве в Казахстане, об участии К. в разбирательстве по делу № 0951701710002 на том основании, что заявительница не является стороной уголовного судопроизводства по выделенному в отдельного производство уголовному делу.

2. Заявления некоторых государственных служащих Казахстана относительно БТА Банка и связанных с ним уголовных разбирательств

22. 10 августа 2009 года во время пресс-конференции, касающейся предварительного расследования по уголовному делу в отношении Аблязова и других сотрудников БТА Банка, представители ГП Казахстана сделали следующее заявление:

«... Некоторые из лиц, которых [Аблязов] дезинформировал и которым угрожал, покинули страну ...

Следственная группа хотела бы проинформировать лиц, чьи имена были внесены в список разыскиваемых, о том, что следствие готово рассмотреть ходатайства их адвокатов об их возвращении в Казахстан, следовательно, они могут принять участие в продолжающемся расследовании ...

В то же время следственная группа предупреждает всех тех, кто сознательно распространяет недостоверную информацию в СМИ, ... слухи, направленные на создание негативного общественного отношения. Группа считает такие действия незаконными и создающими преднамеренную угрозу социальной стабильности и интересам государства.»

23. Согласно статье, опубликованной 26 февраля 2010 года на сайте newskaz.ru, в ходе встречи с казахскими бизнесменами президент Казахстана Назарбаев предположительно сделал следующее заявление в адрес предпринимателя С., который, среди прочих лиц, в 2002 году подписал прошение на имя Назарбаева, прося помилования Аблязову: «группа его [Аблязова] друзей, среди которых был ты, написали мне письменное прошение, клятвенно клялись ... что он будет служить родине. Он [Аблязов] тебе плюнул в лицо и всем вот здесь, я не буду называть фамилии, друзьям и вы должны ответить».

24. Встреча и заявление Назарбаева были сняты на видео, видеозапись была впоследствии представлена заявителем в российские суды по делу о выдаче (см. пункт 52 ниже).

В. Разбирательство относительно предоставления убежища

25. В августе 2009 года заявительница обратилась в Управление Федеральной миграционной службы по г. Москве (далее - УФМС по Москве) о предоставлении убежища. В своем заявлении она утверждала, что с 2005 года работала в БТА Банк, возглавляемом Аблязовым, видным деятелем оппозиции в Казахстане, который до своего назначения на пост главы БТА Банка подвергался преследованиям в 2002 году и находился в тюремном заключении в связи со своей политической деятельностью. В феврале 2009 года банк был национализирован правительством Казахстана; данная национализация на самом деле носила характер рейдерского захвата, после чего она уехала из Казахстана, опасаясь преследований со стороны властей. Уголовное дело было возбуждено в отношении Аблязова и в отношении более двадцати других сотрудников банка, в том числе заявительницы.

26. Заявительница утверждала, что опасается, что в случае возвращения на родину она будет подвергнута пыткам. В этой связи она ссылается на инцидент, произошедший 23 февраля 2009 года, когда два высокопоставленных чиновника Казахстана сказали ей, что в

отношении Аблязова будет возбуждено уголовное дело, они угрожали, что в случае отказа от сотрудничества с ними и отказа дать компрометирующие заявления в отношении Аблязова в отношении нее будут приняты соответствующие ответные меры и ей будет отказано в предоставлении медицинской помощи. Они также утверждали, что национальные суды примут решение по уголовному делу, которое должно быть возбуждено, и что это решение будет продиктовано руководством страны. Таким образом, заявительница заключила, что уголовное преследование в отношении нее в Казахстане было политически мотивированным и что в случае возвращения на родину она будет подвергнута риску жестокого обращения и ей будет отказано в справедливом судебном разбирательстве. Она также сослалась на различные доклады международных организаций, излагающие проблему жестокого обращения с задержанными в Казахстане.

27. После того, как заявительница подала ходатайство о предоставлении убежища, сотрудники УФС по Москве несколько раз опрашивали ее в следственном изоляторе в присутствии ее адвокатов, а также получили доступ к материалам экстрадиционной проверки (ряд запросов и проверок данных, осуществленных до принятия решения о выдаче), проведенной Генеральной прокуратурой Российской Федерации (далее также — ГП России).

28. 4 декабря 2009 года УФС по Москве отклонило ходатайство заявительницы о предоставлении убежища. Власти мотивировали свой отказ тем, что анализ информации и материалов, имеющихся в их распоряжении, показал, что заявительница никогда не принимала участие в какой-либо политической или общественной деятельности в Республике Казахстан. Со ссылкой на доклады организации Human Rights Watch и Государственного департамента США, изданные в 2008 и 2009 годах соответственно, в решении также указывалось, что вышеупомянутые органы отмечали определенный прогресс, достигнутый в Республике Казахстан на пути к демократизации, отмечая при этом сохраняющиеся проблемы со свободой слова и коррупцией. Власти подчеркнули, что заявительница ходатайствовала о предоставлении убежища только после своего задержания в целях выдачи, и пришли к выводу, что ее ходатайство было мотивировано желанием уклониться от уголовного преследования за экономические преступления.

29. Заявительница обжаловала данное решение, подчеркнув, что уголовное преследование было политически мотивированным, и вновь изложив доводы, содержащиеся в ее ходатайстве о предоставлении убежища.

30. 22 апреля 2010 года Замоскворецкий районный суд Москвы (далее — районный суд) оставил в силе решение от 4 декабря 2009 года. Суд отметил, что заявительница не представила никаких причин для

обоснования своего опасения в отношении политического преследования в Республике Казахстан. Она подала заявление о предоставлении убежища только после своего задержания в июле 2009 года, хотя в Россию приехала еще 1 марта 2009 года. Следовательно, ее обращение было вызвано не опасением преследований в Казахстане, а тем, что там в отношении нее было возбуждено уголовное дело.

31. 15 июня 2010 года Московский городской суд отклонил жалобу заявительницы на решение от 22 апреля 2010 года, повторив обоснования районного суда.

Г. Разбирательство по вопросу выдачи в отношении заявительницы

32. 3 июля 2009 года заявительница была задержана в Москве как лицо, разыскиваемое властями Казахстана.

33. В письме от 8 июля 2009 года ГП Казахстана предъявила ГП России официальное требование о выдаче заявительницы. В том же письме ГП Казахстана заверила ГП России, что уголовное преследование в отношении заявительницы не было политически мотивированным и не было основано на каких-либо дискриминационных действиях и что после завершения уголовного разбирательства и отбывания любого наказания она сможет свободно покинуть Казахстан.

34. 27 июля 2009 года Министерство иностранных дел Российской Федерации сообщило ГП России в ответ на ее запрос о том, что не владеет информацией об обстоятельствах, которые бы препятствовали выдаче заявительницы.

35. В письме от 28 сентября 2009 года ГП Казахстана сообщила ГП России о том, что ей была рассмотрена жалоба адвоката заявительницы об инциденте, произошедшем в частной клинике в феврале 2009 года, и допрошен персонал клиники. Прилагаются копии записей допросов руководителя частной клиники и трех врачей, которые непосредственно отвечали за лечение заявительницы с 22 сентября 2009 года. Согласно данным документам, опрошенные лица подтвердили, что заявительница проходила стационарное лечение в клинике в период с 12 по 26 февраля 2009 года в связи с инсультом. Кроме того, Генеральная прокуратура заявила, что не имеет информации о том, что во время пребывания заявительницы в клинике к ней приходили представители правоохранительных органов, что заявительница не рассказала представителям ГП об этих визитах и что представители правоохранительных органов не пытались связаться с ними по вопросу заявительницы во время ее нахождения в клинике. Кроме того, они заявили, что в клинике нет отделения интенсивной

терапии. Доктор Б. также заявила, что в середине марта 2009 года должностные лица КНБ спрашивали ее, проходила ли ранее заявительница лечение в клинике и располагала ли Б. какой-либо информацией о ее нынешнем местонахождении. Б. также заявила, что она сообщила об этом непосредственному начальнику, доктору Ж., как и о том, что если бы во время пребывания в клинике заявительницы ранее посещали сотрудники правоохранительных органов в присутствии медсестры, они бы сообщили об этом Б.

36. 7 декабря 2009 года УФМС по Москве сообщила ГП России, что 4 декабря 2009 года ходатайство заявительницы о предоставлении убежища было отклонено.

37. 9 февраля 2010 года ГП Казахстана завершила ГП России, что в случае выдачи заявительнице будет обеспечен надлежащий медицинский уход с учетом ее состояния здоровья. Письмо было подписано заместителем Генерального прокурора А.Д.

38. 21 апреля 2010 года заместитель генерального прокурора Российской Федерации принял решение о выдаче заявительницы в Казахстан. В решении говорилось, в частности, о том, что заявительнице предъявлено обвинение в неоднократном присвоении имущества в крупном размере, совершенном в составе организованной группы и с использованием своего служебного положения, что составляло преступление, предусмотренное статьей 160 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), наказуемое лишением свободы на срок более года. Срок давности уголовного преследования еще не истек. Заявительница не получила гражданство Российской Федерации, и не имелось обстоятельств, которые бы препятствовали ее выдаче.

39. Заявительница подала жалобу на решение о выдаче, утверждая, что уголовное преследование в отношении нее было политически мотивированным; что она была подвергнута риску применения пыток со стороны следственных органов в Казахстане с целью получения показаний, компрометирующих Аблязова, с которым, по их мнению, она находилась в «доверительных отношениях»; что она уже получала угрозы в свой адрес со стороны высокопоставленных чиновников Казахстана в отношении запрета на доступ к медицинской помощи в случае отказа сотрудничать; что одним из этих чиновников был А.Д., который впоследствии заверял российские власти, что ей будет предоставлена медицинская помощь. Она также утверждала, со ссылкой на доклады различных международных организаций, что запрашивающая страна имела проблемы с правами человека, особенно в отношении пыток заключенных и условий содержания их под стражей, а также в отношении медицинского обслуживания заключенных, и что последнее вызывало наибольшую озабоченность в связи с ее состоянием здоровья.

40. В разбирательстве по вопросу выдачи интересы заявительницы представляли 4 адвоката по ее собственному выбору.

1. Первое судебное разбирательство

41. 27 мая 2010 года Московский городской суд проинформировал Министерство иностранных дел Казахстана о том, что им рассматривается жалоба заявительницы на решение о выдаче и, опираясь на ее доводы, просил проверить эти замечания. Копия письма была направлена в российское Министерство иностранных дел.

42. В письме от 4 июня 2010 года ГП Казахстана заверила ГП России в том, что в случае выдачи заявительница не будет подвергнута пыткам или жестокому обращению, и что ей будет обеспечено право на справедливое и публичное разбирательство в соответствии с принципом состязательности.

43. В письме от 16 июня 2010 года заместитель министра иностранных дел Республики Казахстан сообщил ГП России и Московскому городскому суду о том, что, в дополнение к гарантиям, ранее данным в отношении заявительницы, компетентные органы власти Казахстана гарантируют, что в случае выдачи заявительницы она не будет подвергнута жестокому обращению или пыткам; что уголовное преследование в ее отношении не было политически мотивированным и что ей будет гарантировано право на проведение справедливого судебного разбирательства при соблюдении принципов публичности и состязательности. В случае выдачи заявительница будет содержаться в следственном изоляторе под надзором Министерства юстиции. Наконец, на любой стадии уголовного разбирательства в отношении заявительницы компетентным представителям российских властей будет предоставлен доступ к ней в изоляторе с целью проверки выполнения властями Казахстана своих обязательств.

44. 18 июня 2010 года Московский городской суд («городской суд») отклонил жалобу заявительницы на решение о выдаче. Суд пришел к выводу, что ее заявления о политическом преследовании, риске применения пыток и отказе в доступе к справедливому судебному разбирательству были необоснованными и отвлеченными и уже были рассмотрены и отклонены как необоснованные в разбирательстве по вопросу предоставления убежища. Кроме того, суд утверждал, что заверения, предоставленные властями Казахстана, в частности в отношении ситуации заявительницы, не допускают риска жестокого обращения, а также опроверг замечания о том, что уголовное преследование в ее отношении было политически мотивированным.

45. 20 октября 2010 года Верховный Суд Российской Федерации («Верховный Суд») удовлетворил жалобу заявительницы, отменил определение городского суда и направил дело в тот же суд на новое

рассмотрение, заключив, среди прочего, что суд первой инстанции незаконно отклонил ходатайство заявительницы о приобщении к делу определенных материалов, представленных ей и ее адвокатами, касающихся ситуации с правами человека в Республике Казахстан, в том числе несколько статей из газет о принятии закона, провозглашающего президента Назарбаева «лидером нации». Дело было передано на новое рассмотрение новым составом судей в том же суде. Городскому суду было поручено тщательно изучить доводы заявительницы в отношении выдачи, в частности, в свете правоприменительной практики Европейского Суда по правам человека.

2. Второе судебное разбирательство

46. В письме от 3 декабря 2010 года ГП Казахстана еще раз напомнила ГП России о заверениях, данных Генеральной прокуратурой в отношении заявительницы в предыдущих письмах от 8 июля 2009 года, а также 9 февраля, 4 и 16 июня 2010 года.

47. 8 декабря 2010 года городской суд оставил решение о выдаче без изменения. Суд отметил, что замечания заявительницы о риске жестокого обращения и политической мотивации уголовного преследования в отношении нее уже были проверены и отклонены в ходе разбирательства о предоставлении убежища. Кроме того, замечания носили отвлеченный характер. Суд также отметил, что постановления Европейского Суда по делам «Клейн против России» (*Klein v. Russia*) и «Байсаков против Украины» (*Baysakov v. Ukraine*), а также доклад Государственного департамента США от 2009 года относительно вопроса пыток в Казахстане не касаются конкретной ситуации заявительницы, поскольку ее замечания о риске жестокого обращения и об отказе в предоставлении права на справедливое судебное разбирательство были опровергнуты множеством заверений, не только предоставленных соответствующими властями Казахстана, но и предоставленных конкретно в отношении заявительницы.

48. 2 февраля 2011 года Верховный Суд удовлетворил жалобу заявительницы, отменил решение городского суда и направил дело на новое рассмотрение другим составом судей. Суд установил, что городской суд не провел тщательного расследования утверждений заявительницы о ситуации с правами человека в Республике Казахстан и что отклоняя их суд ссылался на заверения, данные властями Республики Казахстан. Однако городской суд не провел оценку достоверности этих заверений в свете требований прецедентного права Европейского Суда по правам человека.

3. Третье судебное разбирательство

49. 2 марта 2011 года ГП Казахстана заверила ГП России, что в случае ее выдачи заявительница сможет оспаривать в судах решение суда Казахстана о заключении ее под стражу.

50. 24 марта 2011 года городской суд оставил без изменения решение о выдаче в отношении заявительницы. Суд вновь повторил, что ФМС уже осуществила проверку и отклонила доводы заявительницы относительно политического преследования. Кроме того, суд отметил, что после изучения многочисленных докладов неправительственных организаций о ситуации в Казахстане, соответствующих постановлений Европейского Суда, а также статей и публикаций в средствах массовой информации, предоставленных заявителем в обоснование своих замечаний, он не был убежден в убедительности представленных ей доказательств того, что она подвергнется риску жестокого обращения, и в отношении нее не будет проведено справедливое судебное разбирательство. Суд также счел, что эти замечания были фактически опровергнуты многочисленными заверениями, предоставленными уполномоченными органами Казахстана.

51. 20 июля 2011 года Верховный Суд отменил решение городского суда при рассмотрении в кассационном порядке и направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции в другом составе суда. Верховный Суд отметил, что власти Казахстана предоставили гарантию того, что заявительница не будет подвергнута пыткам после того, как ГП России приняла решение о выдаче заявительницы, и что городскому суду следует более тщательно рассмотреть представленные заявительницей замечания относительно риска жестокого обращения и политической подоплеки уголовного преследования в отношении нее.

4. Четвертое судебное разбирательство

52. 21 сентября 2011 года городской суд оставил решение о выдаче без изменения. Суд вновь постановил, что в отношении замечаний заявительницы о риске жестокого обращения и нарушения права на справедливое судебное разбирательство, как и о политическом преследовании, уже была проведена проверка и ходатайство заявительницы о предоставлении убежища было отклонено. Далее суд отметил, что после самостоятельного изучения данных доводов, а также большого количества представленных материалов, среди которых были доклады различных правительственных и неправительственных организаций о ситуации с правами человека в Республике Казахстан; постановления Европейского Суда; статьи, опубликованные в средствах массовой информации; соответствующие

публичные заявления казахстанских чиновников, а также видеоматериалы, он считает, что заявительница не предоставила убедительных доказательств в поддержку своих утверждений замечаний о том, что она подвергнется риску жестокого обращения и ей не будет предоставлено право на справедливое судебное разбирательство. Относительно постановления по делу Джаксибергенова (*Dzhaksybergenov*) (№ 12343/10, 10 февраля 2011 года) суд отметил, что Европейский Суд недавно отказался от указания на необходимость полного запрета на выдачу в Казахстан и что Европейский Суд отметил, что дело в отношении руководства БТА Банк нигде не упоминается как политически мотивированное.

53. Кроме того, городской суд отклонил как необоснованные и неубедительные утверждения заявительницы об угрозах, которые она предположительно получала в Казахстане и России, а также не принял в качестве доказательств заявления государственных чиновников, на которые она ссылалась. Суд опирался, в частности, на материалы экстрадиционной проверки, ГП России, и другие материалы, в том числе видеозапись, изученную судом. Суд отметил, что ни одно из заявлений, которые он рассмотрел, не были сделаны конкретно в отношении заявительницы. Суд также установил, что состояние здоровья заявительницы не было настолько тяжелым, чтобы запретить ее выдачу. Суд также отметил, что тот факт, что Аблязову было предоставлено политическое убежище в Соединенном Королевстве и его утверждения о политической мотивированности уголовного дела в отношении заявительницы, не могли поставить под вопрос законность решения о выдаче заявительницы.

54. Кроме того, суд пришел к выводу, что утверждения заявительницы о том, что она подвергалась риску жестокого обращения и лишения права на справедливое судебное разбирательство, были эффективно опровергнуты множеством заверений со стороны соответствующих органов власти Казахстана. Он также счел, что довод заявительницы о том, что в случае ее выдачи российские власти не будут предпринимать никаких действий по контролю за соблюдением казахскими коллегами своих обязательств, был надуманным.

55. 12 января 2012 года Верховный Суд оставил без изменения решение о выдаче, поддержав доводы городского суда. Суд постановил, что заявительница не выдвинула убедительных доводов для своего утверждения о том, что она будет подвергнута жестокому обращению или лишена права на проведение справедливого судебного разбирательства в запрашивающей стране, и что заключения городского суда были достоверно подтверждены, среди прочего,

недавно сделанными выводами Европейского Суда в деле Джаксисбергенова (*Dzhaksybergenov*).

Д. Судебное разбирательство относительно предоставления временного убежища

56. 10 января 2012 года УФМС по Москве предоставила заявительнице и ее дочери временное убежище на один год, до 10 января 2013 года. Ни одна из сторон не представила копии решения и не указала оснований для его вынесения.

Е. Состояние здоровья заявительницы и качество медицинской помощи, предоставляемой ей при нахождении под стражей

1. Состояние здоровья заявительницы до ее помещения под стражу

57. В 2005 году заявительнице сделали операцию на правый глаз (витрэктомию) в частной клинике Москвы. Она не указала, была ли операция вызвана медицинской необходимостью; при этом она также не представила никакой конкретной информации в этом отношении.

58. Заявительница страдала диабетом и гипертонией с 2006 года.

59. В феврале 2009 года заявительница прошла стационарное лечение в частной клинике в Астане. Согласно записи при выписке от 26 февраля 2009 года ей были поставлены диагнозы: прогрессирующее сердечно-сосудистое заболевание, гипертония, левосторонний гемипарез и инсулинозависимый сахарный диабет II типа в стадии субкомпенсации. При выписке ей было рекомендовано, в частности, наблюдение у невропатолога и эндокринолога, дважды в день она должны была проверять уровень сахара.

60. 11 марта 2009 года заявительница была осмотрена невропатологом в государственной больнице № 180 Москвы. Невропатолог поставил диагноз: цереброваскулярная патология, последствия инсульта, случившегося в феврале 2009 года, гипертония, левосторонний гемипарез и сахарный диабет II типа в стадии субкомпенсации. Врач прописал ей ноотропные и гипотензивные препараты и рекомендовал пройти неконкретизированный стационарный курс лечения в августе-сентябре 2009 года.

2. Состояние здоровья заявительницы и ее лечение в заключении

(а) Позиция заявительницы

61. После ее задержания 3 июля 2009 года заявительница была помещена в следственный изолятор ИЗ-77/6 (далее — «следственный

изолятор») в Москве. В тот же день к ней была вызвана скорая помощь в связи с приступом гипертонии.

62. 1 августа 2009 года заявительница была переведена в больницу следственного изолятора №ИЗ-77/1 УФСИН России по г. Москве (далее «больница следственного изолятора») для прохождения стационарного лечения.

63. 8 августа 2009 адвокаты заявительницы получили от невропатолога в государственной больнице № 180 справку о том, что ее состояние здоровья требует прохождения стационарного лечения и принятия ноотропных и гипотензивных препаратов. Заключение невропатолога были основаны на выписном эпикризе заявительницы от 26 февраля 2009 года, составленном при выписке из частной клиники в Республике Казахстан и справке от 11 марта 2009 года (см. пункт 60 выше).

64. 22 августа 2009 года после гипертонического криза у заявительницы образовался разрыв кровеносного сосуда в правом глазу, она заявила об этом тюремному персоналу больницы 24 августа 2009 года.

65. 26 августа 2009 года заявительница должна была быть выписана из больницы следственного изолятора. В тот день она предположительно трижды падала в обморок, ей дали 60 капель фенobarбитала, нифедипина и делали внутримышечные инъекции магнeзии и метамизола натрия. Около полуночи она была помещена в транспортное средство СИЗО, которым была доставлена в следственный изолятор. Перевозка заняла около двух часов, потому что транспорт заезжал также за другим задержанным.

66. Около 4 часов утра 27 августа 2009 года заявительница прибыла в следственный изолятор, а в 16 часов она была осмотрена начальником медицинской части следственного изолятора Н.К., который обещал, что обеспечит ей осмотр офтальмолога. По словам заявительницы, все ее последующие запросы об осмотре офтальмологом медицинский персонал следственного изолятора игнорировал.

67. По утверждению заявительницы в сентябре 2009 года зрение в левом глазу начало ухудшаться, и в неустановленный день в октябре 2009 года она заявила об этом на приеме у гинеколога, но безрезультатно.

68. 8 и 18 декабря 2009 года заявительница через своих адвокатов просила начальника следственного изолятора позволить Ш.А., врачу-офтальмологу, с которым она заключила частное соглашение на оказание медицинской помощи, осмотреть ее в следственном изоляторе.

69. 5 января 2010 года начальник следственного изолятора сообщил ей, что среди персонала медицинской части изолятора нет

офтальмологов и, что она может быть обследована специалистом в тюремной больнице согласно плану ее лечения.

70. 28 января 2010 года начальник следственного изолятора сделал запрос в Московско-Рязанскую транспортную прокуратуру (далее также — «транспортная прокуратура») о разрешении доступа Ш.А. к заявительнице для проведения ее обследования на территории тюрьмы. В тот же день транспортная прокуратура отклонила запрос.

71. 3 марта 2010 года заявительница была осмотрена офтальмологом в государственной больнице № 72 в Москве, и ей был поставлен диагноз: последствия витрэктомии, диабетическая ретинопатия и катаракта с осложнениями.

72. 3 июля 2010 года заявительница была освобождена из-под стражи и помещена под домашний арест.

73. Заявительница направила своим адвокатам письменное заявление от 1 сентября 2009 года, в котором она утверждала, что медицинская помощь, оказанная ей в заключении, была «поверхностной» и «неудовлетворительного качества». В следственном изоляторе не хватало врачей-специалистов. Заявительница должна была каждый день ходить, хотя ей было трудно это делать. Имеющиеся у нее лекарства были лучше, чем предлагавшиеся ей в следственном изоляторе. Несмотря на то, что ее просьбы о позволении адвокатам приносить ей нужные лекарственные средства были положительно встречены властями, некоторые препараты предположительно были исключены из этого списка неустановленными лицами. Она чувствовала, что ей предоставляли лекарства и делали уколы в хаотичном порядке. Несколько раз администрация следственного изолятора подсаживала в ее камеру душевнобольного. В то же время заявительница подчеркивала, что ей ни разу не был дан категорический отказ в предоставлении медицинской помощи в заключении.

(б) Информация, предоставленная Властями Российской Федерации

74. Власти предоставили полную копию медицинской карты заявительницы, копии записей при ее выписке из больницы, где она проходила стационарное лечение, оставаясь под стражей, а также медицинские журналы из следственного изолятора и больницы следственного изолятора за соответствующие даты. Информация, содержащаяся в данных документах, может быть кратко изложена следующим образом:

75. При поступлении в следственный изолятор 3 июля 2009 года заявительница прошла ряд обследований, в том числе тест на ВИЧ и тест Вассермана; ей был сделан рентген грудной клетки. Также дежурный врач провел первичный осмотр, он измерил ее кровяное давление и пульс и отметил в своей записи, что история болезни

заявительницы включала диабет II типа, гипертонию, ишемический инсульт, перенесенный 12 февраля 2009 года, а также гепатит Б в 2000 году. Ей был поставлен диагноз: «соматически здорова».

76. 6 июля 2009 года заявительница подверглась более тщательному осмотру со стороны медицинского персонала, в ходе которого она жаловалась на головные боли, гипертонию и онемение в теле. Диагноз, изложенный в записи от 3 июля 2009 года, был подтвержден, и ей был назначен анализ крови на сахар, который проводился 7 и 13 июля 2009 года.

77. 30 июля 2009 года заявительница пожаловалась медицинскому персоналу на постоянные головные боли, онемение в левой части, слабость и сухость во рту. Врачи осмотрела ее, измерили и зафиксировали кровяное давление: от 130/90 до 160/100 и 170/100. В последних двух случаях ей была оказана неотложная помощь. На момент рассматриваемых событий диагноз заявительницы включал последствия инсульта, случившегося в феврале 2009 года, с прогрессирующей ангиоэнцефалопатией, сопровождающейся цереброваскулярными кризами; гипертония; сахарный диабет II типа в стадии субкомпенсации, а также III-IV степень ожирения. Ей была назначена госпитализация в тюремной больнице на стационарном лечении, и ее состояние было признано годным для транспортировки.

78. 31 июля 2009 года заявительница была помещена в больницу следственного изолятора и 1 августа 2009 года была первоначально осмотрена дежурным медицинским персоналом.

79. 4 августа 2009 года заявительнице сделали УЗИ органов брюшной полости и почек, которое показало диффузные изменения печени и поджелудочной железы, но без патологии.

80. 5 августа 2009 года заявительнице сделали общий анализ крови, и она была осмотрена невропатологом, который диагностировал у нее энцефалопатию смешанного происхождения в стадии декомпенсации и прописал ей циннаризин, фенибут и седативные препараты, а также инъекции Церебро (альфосцерат холина).

81. 11 августа 2009 года заявительнице сделали биохимический анализ крови и мочи, а 13 августа 2009 года у нее взяли кровь на сахар.

82. 19 августа 2009 года заявительнице сделали электрокардиографию («ЭКГ») и ультразвуковую кардиограмму, которые показали отсутствие отклонений. В тот же день ей сделали УЗИ молочных желез, и она вновь была осмотрена невропатологом. Последний подтвердил диагноз от 4 августа 2009 года и отметил улучшение в состоянии ее здоровья в результате действия назначенного лечения, выразившееся в уменьшении головных болей и слабости, уменьшении тяжести при ходьбе и отсутствии отрицательной динамики неврологического состояния. Заявительнице было рекомендовано продолжить лечение, назначенное при первом

осмотре. Она отказалась принимать антидепрессанты, которые ей были предложены.

83. 20 августа 2009 года заявительнице еще раз сделали анализ на определение уровня глюкозы в крови.

84. В тюремной больнице заявительница получала следующие гипотензивные, гипогликемические, ноотропные, сосудорасширяющие и спазмолитические средства и седативные препараты: метформин, никотиновая кислота, эналаприл, фенибут, энам, индапамид, бетасерк, кострал, панангин, корвалол, витамины группы В; инъекции магнeзии 25%, циннаризин, фенибут, бендазол, папаверин и Церепро. Согласно записи это лечение дало положительный клинический результат.

85. Запись от 24 августа 2009 устанавливает, что выписка заявительницы из больницы была запланирована; ее состояние здоровья оценивается как удовлетворительное и годное для транспортировки. Рекомендации при выписке были, в частности, следующими: продолжение приема ноотропных, гипогликемических и гипотензивных средств, в том числе эналаприла, коронала, метформина, фенибута, тиоктацида, липоевой кислоты, трентала и седативных средств; проверка артериального давления и гликемического профиля; наблюдение у невропатолога и контроль динамического веса и гликемического профиля.

86. Первоначальный осмотр от 26 августа 2009 года показал, что при осмотре заявительницы сотрудниками тюремной больницы в тот же день было зафиксировано артериальное давление 190/100. Потом ей дали 40 капель корвалола и сделали инъекцию магнeзии, после чего ее состояние было признано годным для транспортировки.

87. 27 августа 2009 года заявительница была осмотрена врачом следственного изолятора, которому она пожаловалась на головные боли, слабость в левой части тела и неустойчивость при ходьбе. Заявительнице измерили пульс и кровяное давление — 160/100 и 150/90. Ей рекомендовали продолжать принимать энам, метформин, тромбо АСС и циннаризин и впоследствии делать анализ крови и проверять артериальное кровяное давление.

88. Согласно записи при первом осмотре от 15 сентября 2009 года заявительница жаловалась на головные боли, боли в спине и тахикардию, после чего она была осмотрена дежурным медицинским работником, ей были измерены пульс и давление — 180/110 и 160/100. Заявительнице был назначен конкор, метформин, тромбо АСС, а также рекомендовано сделать ряд анализов крови и мочи, которые были сделаны в тот же день.

89. Первый осмотр от 12 октября 2009 года показал, что поступление заявительницы в больницу следственного изолятора на стационарное лечение было запланированным; ей был диагностирован,

среди прочего, диабет, гипертония третьей стадии и дисциркуляторная энцефалопатия.

90. 14 октября 2009 года заявительница поступила в больницу следственного изолятора.

91. 15 октября 2009 года она была осмотрена невропатологом, которому пожаловалась на головные боли, головокружение и общую слабость в левой части тела. При осмотре невропатолог прописал ей винпотропил и инъекции Церебро.

92. В тот же день заявительнице была сделана ЭКГ, которая не выявила особых патологий.

93. 21 октября 2009 года заявительнице была сделана ультразвуковая кардиограмма и УЗИ органов брюшной полости и почек, обострений не выявлено.

94. В соответствии с записью при выписке, во время пребывания заявительницы в тюремной больнице она получала лечение гипотензивными, гипогликемическими, ноотропными, сосудорасширяющими и спазмолитическими препаратами, в том числе ей вводили никотиновую кислоту, Церебро, дибазол, папаверин, витамины группы Б (Б1 и Б6), а также ей давали энам, коронал, индапамид, трентал, винпотропил и метформин. Лечение дало положительный эффект; состояние здоровья заявительницы было признано удовлетворительным и пригодным для транспортировки обратно в следственный изолятор. Среди рекомендаций, данных заявительнице при выписке, были наблюдение у невропатолога; контроль артериального кровяного давления; контроль гликемического профиля и веса; ограничения в потреблении соли и продолжение приема гипотензивных, гипогликемических, ноотропных и вазоактивных препаратов и седативных средств, прописанных врачами в больнице.

95. 25 октября 2009 года заявительница поступила в медицинскую часть следственного изолятора. В соответствующей записи указывалось, что она не имела никаких жалоб и не страдала эпидемиологическими заболеваниями.

96. 28 ноября 2009 года врачи медицинской части следственного изолятора осмотрели заявительницы по собственной инициативе. Согласно соответствующей записи, что у нее не было особых жалоб, кроме головных болей, гипертонии и слабости в левой части тела; что заявительница регулярно принимала метформин для лечения диабета и назначенные ей гипотензивные препараты; с помощью персонального глюкометра и тонометра была осуществлена проверка уровня сахара в крови и уровня артериального давления. После осмотра заявительнице было рекомендовано продолжать назначенное лечение, в том числе продолжать прием конкора, тромбо АСС, циннаризина и метформина, а также регулярно проверять давление и уровень сахара в крови.

97. 28 января 2010 года врачи следственного изолятора осмотрели заявительницу по собственной инициативе и измерили ей пульс (88 ударов в минуту) и давление (170/100 и 170/90). Согласно соответствующей записи заявительница продолжала жаловаться на головные боли, гипертонию и слабость; ее диагноз сахарного диабета и артериальной гипертензии был подтвержден, она регулярно принимала метформин, нолипрел, конкор, комплекс витаминов Магне Б6 и тромбо АСС. Ей было назначено принимать гипотензивные препараты нифедипин и нормодипин в случае, если давление превысит 150; в тот же день она сделала анализ крови на сахар.

98. 28 января 2010 года заявительнице было предложено лечь в больницу следственного изолятора для осмотра, среди прочего, у офтальмолога и эндокринолога, от чего та отказалась. Среди записей было написанное от руки заявление Ефимовой от 1 февраля 2010 года, о том, что она просила не отправлять ее в больницу следственного изолятора, поскольку власти следственного изолятора отклонили ее просьбу о консультации у офтальмолога, которая ей была необходима, в связи с тем, что она считает качество медицинской помощи, оказываемой в тюремной больнице, неудовлетворительным, а условия содержания и транспортировки туда — бесчеловечными.

99. 16 февраля 2010 года врачи медицинской части следственного изолятора осмотрели заявительницу по собственной инициативе. В соответствующей части в записи отмечается, что заявительница жаловалась на боли в поясничной области и периодические пульсирующие боли в левой части головы и что она была в состоянии самостоятельно передвигаться, хотя и медленно. После осмотра и проверки давления и пульса, врач порекомендовал ей сдать общий анализ мочи и биохимический анализ крови; ей были прописаны инъекции магнезии 25%, милдронат (с целью усиления микроциркуляции в кровеносных сосудах головного мозга и глазнице), церебролизин и витамины группы В. В записи также отмечено, что заявительница получала и принимала собственные лекарственные препараты.

100. 17 февраля 2010 года заявительница сдала химический анализ крови и мочи в соответствии с рекомендацией врачей, полученной накануне.

101. 3 марта 2010 года заявительница была осмотрена офтальмологом и невропатологом в государственной больнице № 72 Москвы. Офтальмолог поставил диагноз: последствия операции на глаз и пролиферирующая диабетическая ретинопатия с осложнениями в виде катаракты; кроме того, врач прописал ей тауфон 4% (таурин) и глазные капли эмоксипин 1% в оба глаза, а также флобинзим. Невропатолог подтвердил диагноз: сахарный диабет, энцефалопатия и полинейропатия; рекомендовал регулярно измерять артериальное

давление и делать анализ крови на определение уровня сахара, прописал ей кавинтон, бетасерк, мексидол, а также инъекции мексидола и кордексина.

102. 22 марта 2010 года в следственном изоляторе заявительница сделала анализ крови на определение уровня сахара, а на следующий день медицинские работники измерили ей артериальное давление и еще раз взяли кровь на сахар. Запись в медицинской карте подтверждала, среди прочего, что заявительница принимала собственные лекарственные препараты.

103. 29 марта 2010 года заявительница отказалась от осмотра врачами следственного изолятора.

104. 1 апреля 2010 года она поступила в государственную больницу № 20 Москвы со следующим диагнозом: гипертонический криз, артериальная гипертензия III степени III стадии, сахарный диабет II типа средней тяжести, энцефалопатия смешанного происхождения и ожирение. Ее состояние здоровья при поступлении расценивалось как средней тяжести.

105. В больнице заявительница сдавала общие и биохимические анализы крови, анализы мочи, делала рентген грудной клетки, несколько раз делала ЭКГ, делала ультразвуковую кардиографию и магнитно-резонансную томографию («МРТ»). Два раза заявительница была осмотрена невропатологом, также ее осматривали эндокринолог, ортопед, отоларинголог и психотерапевт. Данные специалисты поставили диагноз: энцефалопатия; лакунарная киста в стволе головного мозга как последствие инсульта, пережитого в 2009 году; сердечно-сосудистое заболевание, диабет II типа средней тяжести в стадии субкомпенсации; остеохондроз и астено-депрессивный синдром.

106. Заявительница была также осмотрена офтальмологом, который поставил диагноз: последствия операции на глаз и тромбоз центральной вены сетчатки, а также катаракта на правом глазу в ранней стадии и диабетическая гипертоническая ретинопатия левого глаза. Заявительнице были назначены глазные капли таурин 4% и сосудистые препараты, а также витамины группы B.

107. В больнице заявительнице были назначены и она получала следующие лекарства: гипогликемические, сосудорасширяющие, гипотензивные и ноотропные лекарственные препараты, в том числе метформин, инъекции актовегина, папаверин, платифиллин, витамины B1 и B2, атенолол, индапамид, тиоридазин и сонапакс. Ей также была предписана строгая диета, которую она соблюдала.

108. 14 апреля 2010 года заявительница была выписана из больницы; лечение дало положительный клинический результат, и ее состояние здоровья оценивалось как «относительно удовлетворительное». Рекомендации при выписке были, в частности,

следующими: строгая диета, анализы крови, контроль артериального давления и частоты пульса; продолжение приема гипогликемических, сосудорасширяющих, гипотензивных и ноотропных препаратов, в том числе индапамида, каптогена, тиоридазина и метформина, а также наблюдение у терапевта, эндокринолога и невропатолога.

109. 12 мая 2010 года заявительница просила организовать для нее консультацию медицинского персонала следственного изолятора с целью координации ее лечения в отношении принятия лекарственных препаратов.

110. 13 мая 2010 года заявительница была осмотрена медицинским персоналом; кроме того, ей было измерено кровяное давление и частота пульса. Был подтвержден основной диагноз, также ей был поставлен диагноз: ангина. Согласно соответствующей записи на момент осмотра заявительница регулярно принимала метформин, конкор, нолипрел и нормодипин, регулярно проверяла артериальное давление и сдавала кровь на сахар. После осмотра ей был назначен таурин и капли эмоксипин в оба глаза, а также жидкость для полоскания полости рта.

111. 21 мая 2010 года заявительница была осмотрена стоматологом, ей было оказано соответствующее лечение.

112. В письме от 28 мая 2010 года следственный изолятор сообщил главе Федеральной службы исполнения наказаний о медицинской помощи, которую заявительница получала в заключении. В письме говорилось, среди прочего, что вследствие взаимосвязанных хронических заболеваний заявительницы власти следственного изолятора составили информационное письмо для транспортной прокуратуры, в котором давалось указание на «неблагоприятный прогноз» в отношении состояния здоровья заявительницы и «серьезный прогноз в отношении ее жизни».

3. Жалобы заявительницы на оказание медицинской помощи в заключении и связанное с этим судебное разбирательство

113. В ноябре 2009 года и январе 2010 года заявительница инициировала два судебных разбирательства в порядке гражданского судопроизводства в связи с оказанием ей медицинской помощи под стражей.

(а) Первое судебное разбирательство

114. 25 ноября 2009 года заявительница подала жалобу в Преображенский районный суд города Москвы. Заявительница жаловалась, что представители следственного изолятора не обеспечили ей надлежащей медицинской помощи в период с 3 июля по 25 августа 2009 года и с 14 по 25 октября 2009 года. Заявительница требовала выплаты компенсации за причиненный моральный вред.

Она также просила районный суд дать поручение начальнику следственного изолятора о помещении ее в частную офтальмологическую клинику, а также в Научно-исследовательский институт неврологии российской академии медицинских наук для прохождения курса реабилитационного лечения в связи с последствиями инсульта.

115. Решением от 16 июля 2010 года Преображенский районный суд отклонил жалобу заявительницы. Ссылаясь, в частности, на историю болезни, суд установил, что заявительнице в следственном изоляторе оказывалась медицинская помощь, дважды ее доставляли в больницу для проведения стационарного лечения. Суд также не выявил никаких оснований полагать, что в какой-то момент заявительнице было отказано в предоставлении медицинской помощи, и постановил, что она была обследована офтальмологом в государственной больнице, что противоречит ее заявлениям.

116. 12 октября 2010 года Московский городской суд отклонил жалобу заявительницы на решение суда первой инстанции.

(б) Второе судебное разбирательство

117. 28 января 2010 года заявительница подала жалобу в Люблинский районный суд города Москвы относительно того, что во время содержания под стражей ей не была оказана медицинская помощь в связи с проблемами со зрением, что ее зрение ухудшается и необходима операция на глаз. Она просила консультации офтальмолога Ш.А., с которым заключила соглашение на оказание медицинской помощи, или любого другого независимого офтальмолога и эндокринолога; также она просила перевести ее в клинику, специализирующуюся на лечении зрения и реабилитации пациентов, перенесших инсульт, отказывалась ложиться в больницу следственного изолятора, где она ранее проходила лечение, которое, по ее словам, ухудшило состояние ее здоровья. Заявительница также жаловалась на обстоятельства ее перевода из больницы следственного изолятора в следственный изолятор 26-27 августа 2009 года; на то, что она не получила никаких лекарственных препаратов или иной медицинской помощи, необходимой в ее состоянии; что руководство следственного изолятора игнорировало соответствующие запросы и жалобы с ее стороны.

118. В неустановленный день в марте 2010 года заявительница внесла дополнения в свои требования. Она просила направить ее в частную офтальмологическую клинику и Научно-исследовательский институт неврологии Российской академии медицинских наук для прохождения курса реабилитационного лечения в связи с последствиями инсульта.

119. 14 апреля 2010 года Люблинский районный суд провел заседание по делу заявительницы. Из протокола судебного заседания усматривается, что суд рассмотрел историю болезни заявительницы и ряд других документов, касающихся состояния ее здоровья, а также допросил в качестве свидетеля Е.И., врача из медицинской части следственного изолятора. Е.И. заявила, среди прочего, что присутствовала при осмотре заявительницы офтальмологом, и что офтальмолог не дал рекомендации о срочной операции на глаз. Она также утверждала, что следственный изолятор не предоставил заявительнице глазных капель, предписанных офтальмологом, поскольку этих капель не имелось в запасе медицинской части следственного изолятора. Она также заявила, что в следственном изоляторе заявительница находилась под постоянным наблюдением медицинского персонала, который регулярно ее осматривал, даже когда она не выражала конкретных просьб об этом; заявительница получала препарат метформин от диабета и соблюдала специальную диету; осуществляла регулярные проверки уровня сахара в крови, и принимала другие лекарственные препараты, которые ей выделял изолятор и приносили ее адвокаты.

120. Постановлением от 14 апреля 2010 года Люблинский районный суд отклонил требования заявительницы. Судом было установлено, что заявительница отклонила предложение руководства следственного изолятора о госпитализации с целью обследования офтальмологом и что вскоре после этого ей было обеспечено обследование офтальмологом в государственной больнице. Последнее ни на одном из этапов не указывало на то, что ее состояние здоровья требует срочного вмешательства. Вопреки утверждениям заявительницы, ее медицинская карта не содержит записей, подтверждающих, что она жаловалась на ухудшение зрения каждый раз, когда проходила стационарное лечение в тюремной больнице; данный вопрос был впервые поднят адвокатами заявительницы в декабре 2009 года. Далее суд отмечает, что заявительница была помещена в больницу следственного изолятора, где она получила медицинскую помощь, необходимую с учетом ее состояния здоровья. Данная помощь состояла в обследовании различными врачами-специалистами, сдаче соответствующих анализов и проведении соответствующих медицинских проверок, а также в принятии лекарственных средств. В отношении диабета для нее была установлена специальная диета, и ей было разрешено принимать свои собственные лекарственные препараты в дополнение к препаратам, имеющимся в следственном изоляторе и тюремной больнице.

121. 1 июля 2010 года Московский городской суд отклонил жалобу заявительницы на постановление суда первой инстанции, поддержав тем самым сделанные им выводы.

4. Соответствующая информация о состоянии здоровья заявительницы после освобождения

122. С 9 по 29 августа 2009 года заявительница проходила курс стационарного лечения в частной клинике Московского института кибернетической медицины. Она не представила всей записи лечения, только короткие выдержки, это указывает на то, что врачи в клинике подтвердили ее диагноз в отношении сахарного диабета II типа в стадии субкомпенсации; гипертонии; сосудистого заболевания; диабетической ангиопатии с поражением магистральных артерий и сетчатки; левостороннего гемипареза, ожирения, остеохондроза и ряда сопутствующих заболеваний. Что касается зрения заявительницы, ей был поставлен диагноз: последствия операции на глаз, частичное внутриглазное кровоизлияние, диабетическая ретинопатия правого глаза легкой степени и ангиопатия сетчатки левого глаза. В выписке из медицинской карты, представленной заявителем, ничего не говорится о том, что состояние ее зрения требовало срочного медицинского вмешательства; в выписке также не имелось рекомендаций или предписаний от врачей в отношении ее болезни, и ничего не сказано о том, ухудшилось ли состояние ее здоровья, и если да, было ли это связано с оказанием ненадлежащего лечения ранее.

Ж. Судебное разбирательство, касающееся содержания заявительницы под стражей в целях выдачи

123. 3 июля 2009 года прокурор Московско-Рязанской транспортной прокуратуры вынес постановление о заключении заявительницы под стражу на основании соответствующего решения суда Казахстана и статьи 61 Минской конвенции 1993 года. В решении не указывался предельный срок содержания заявительницы под стражей.

124. 16 июля 2009 года прокурор транспортной прокуратуры вынес постановление о заключении заявительницы под стражу. В постановлении прокурор ссылаясь на запрос о выдаче, полученный от властей Казахстана, статью 60 Минской конвенции и часть 2 статьи 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — «УПК РФ»).

125. 19 августа 2009 года Мещанский районный суд (далее также — «районный суд») отклонил жалобу заявительницы на постановление о заключении под стражу от 16 июля 2009 года. Данное постановление суда было отменено 14 сентября 2009 года, дело было направлено на новое рассмотрение судом первой инстанции.

126. 16 сентября 2009 года районный суд отклонил жалобу заявительницы на решение о заключении ее под стражу от 16 июля 2009 года, установив, что прокурор действовал в соответствии с

требованиями части 2 статьи 466, которая давала ему право поместить заявительницу под стражу в целях выдачи на основании требования о выдаче и постановления о заключении под стражу, вынесенного судебным органом иностранного государства. В решении также указывалось, что жалоба была рассмотрена в присутствии заявительницы, и что ее адвокаты, которые были надлежащим образом уведомлены о времени и месте судебного заседания, покинули здание суда еще до того, как суд приступил к рассмотрению жалобы. Согласно письменным заявлениям адвокатов заявительницы от 16 сентября 2009 года они покинули суд в 16:30 в связи с задержкой слушания по жалобе заявительницы и с тем, что они «не могли тратить время на ожидание». В заявлениях также содержится ходатайство о перенесении слушания.

127. 25 сентября 2009 года заявительница подала жалобу в районный суд в соответствии со статьей 125 УПК РФ, утверждая, что срок ее заключения под стражу в соответствии с постановлением транспортной прокуратуры от 3 июля 2009 года, истек 3 сентября 2009 года и что после этой даты в отсутствие решения национальных судов о продлении срока ее содержания под стражей в соответствии со статьей 109 УПК РФ, она содержалась под стражей незаконно. Она ходатайствовала о своем освобождении из-под стражи.

128. 1 октября 2009 года Мещанский районный суд отклонил вышеуказанную жалобу; данное постановление было отменено Московским городским судом 11 ноября 2009 года, дело было направлено в районный суд на новое рассмотрение.

129. 14 октября 2009 года Московско-Рязанская транспортная прокуратура в ответ на ходатайство заявительницы об освобождении сообщила ей, что она находится под стражей на основании решения о заключении под стражу от 16 июля 2009 года, вынесенного в соответствии с частью 2 статьи 466 УПК РФ, и что ее содержание под стражей по полученному требованию о выдаче регулируется нормами уголовно-процессуального законодательства запрашивающего государства, то есть Казахстана.

130. В неустановленный день в октябре 2009 года заявительница подала жалобы в Тверской и Мещанский районные суды в соответствии со статьей 125 УПК РФ, утверждая, что срок ее содержания под стражей, незаконно санкционированного прокурором 3 июля 2009 года, истек 3 сентября 2009 года и что ее содержание под стражей после этой даты, при отсутствии решения российских судов о продлении срока ее содержания под стражей в соответствии со статьей 109 УПК РФ, было незаконным. Несмотря на это, органы прокуратуры отклонили ходатайство об ее освобождении. Она подала в суд ходатайство о своем освобождении.

131. 6 ноября 2009 года заявительница подала жалобу в Тверской районный суд в соответствии со статьей 125 УПК РФ, вновь заявив, что ее содержание под стражей после 3 сентября 2009 года было незаконным, и требуя освобождения.

132. 11 ноября 2009 года Московский городской суд оставил в силе решение от 16 сентября 2009 года в рамках кассационного рассмотрения, подтвердив выводы районного суда и установив, что адвокаты заявительницы, которые были надлежащим образом проинформированы о судебном заседании, решили покинуть здание суда и не присутствовать во время заседания и что при таких обстоятельствах решение районного суда продолжить рассмотрение жалобы в их отсутствие было обоснованным.

133. 16 ноября 2009 года Тверской районный суд вернул адвокату заявителя жалобу, поданную 6 ноября 2009 года, указав, что жалоба не позволяла определить предмет обжалования. Кроме того, суд указал, что в соответствии со статьей 125 УПК РФ он не наделен полномочиями освобождать из под стражи задержанных лиц или обязывать должностных лиц «выполнить те или иные процессуальные действия».

134. 17 ноября 2009 года заявительница в порядке, установленном гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации обратилась в суд с заявлением об оспаривании действий (бездействия) начальника следственного изолятора в связи с тем, что 3 сентября 2009 года по истечении установленного срока ее содержания под стражей она не была освобождена.

135. 18 ноября 2009 года Мещанский районный суд продлил срок содержания заявительницы под стражей до 3 февраля 2010 года со ссылкой на статью 109 УПК РФ по ходатайству прокурора транспортной прокуратуры. Суд отметил, что прокурор представил доказательства того, что в отношении заявительницы продолжалась экстрадиционная проверка, и что эта проверка была необходима для осуществления дальнейших шагов по исследованию вопросов, указанных ей в доводах в отношении выдачи.

136. Заявительница обжаловала в Московский городской суд постановление о заключении под стражу. В копиях ее жалобы, на которых был проставлен штамп об их получении, указывалось, что жалоба была получена районным судом 19 ноября, а также 1 и 25 декабря 2009 года. В неустановленную дату районный суд направил материалы, касающиеся постановления о заключении заявительницы под стражу, в Московский городской суд.

137. 9 и 25 декабря 2009 года Мещанский районный суд отклонил жалобу заявительницы, поданную в сентябре и октябре 2009 года в соответствии со статьей 125 УПК РФ (см. пункты 127 и 130 выше).

138. 1 февраля 2010 года Мещанский районный суд продлил срок содержания заявительницы под стражей до 3 апреля 2010 года со ссылкой на статью 109 УПК РФ и продолжающееся судебное разбирательство по вопросу выдачи, на основании запроса прокурора. На слушании интересы заявительницы представлял адвокат Б., назначенный районным судом. Заявительница обжаловала решение о заключении под стражу в городской суд. Известно, что районный суд получил ее жалобы 3, 4 и 15 февраля 2010 года.

139. 31 марта 2010 года городской суд отменил постановление районного суда от 1 февраля 2010 года о продлении срока содержания под стражей заявительницы под стражу на том основании, что избранные заявительницей адвокаты не были надлежащим образом уведомлены о рассмотрении дела судом первой инстанции, и направил дело на новое рассмотрение. Тем же определением городской суд продлил содержание заявительницы под стражей до 9 апреля 2010 года.

140. 31 марта 2010 года городской суд оставил без изменений решение Тверского районного суда от 16 ноября 2009 года об отклонении жалобы заявительницы в соответствии со статьей 125 УПК РФ. Суд указал, что в соответствии с законом не наделен полномочиями освобождать из-под стражи задержанных лиц, или обязывать должностные лица выполнять те или иные процессуальные действия.

141. 1 апреля 2010 года Мещанский районный суд продлил срок содержания заявительницы под стражей до 3 июля 2010 года, со ссылкой на статью 109 УПК РФ. Из документов, имеющих в распоряжении Суда, усматривается, что жалоба заявительницы [на данное постановление] была подана в районный суд 2 апреля 2010 года.

142. 8 апреля 2010 года районный суд повторно рассмотрел и удовлетворил ходатайство прокурора о продлении срока содержания заявительницы под стражей до 3 апреля 2010 года. Суд отметил, что решением от 31 марта 2010 года городской суд уже продлил содержание заявительницы под стражей до 9 апреля 2010 года и что 1 апреля 2010 года районный суд оставил без изменений постановление о продлении срока содержания заявительницы под стражей до 3 июля 2010 года. Суд также, в частности, отметил, что разбирательство по вопросу о выдаче заявительницы еще не закончилось. Районный суд получил жалобу заявительницы на решение о заключении под стражу от 8 апреля 2010 года 26 апреля и 4 мая 2010 года.

143. Окончательным решением от 12 апреля 2010 года городской суд отклонил жалобу заявительницы, поданную в соответствии со статьей 125 УПК РФ в октябре 2009 года, согласившись с выводами

Тверского районного суда о том, что в соответствии с законом суд не наделен полномочиями на принятие решения об освобождении заявительницы.

144. 19 апреля 2010 года городской суд оставил без изменения решения от 9 и 25 декабря 2009 года в отношении жалоб заявительницы, поданных в соответствии со статьей 125 УПК РФ, и ее ходатайств об освобождении, отметив, в частности, что 18 ноября 2009 года Мещанский суд уже продлевал срок ее содержания под стражей.

145. Окончательным определением от 25 мая 2010 года городской суд отказал в удовлетворении заявления от 17 ноября 2009 года об оспаривании действий (бездействия) начальника следственного изолятора, в котором содержалась заявительница, выразившихся в непринятии мер по ее освобождению.

146. Определением от 9 июня 2010 года городской суд отклонил жалобу заявительницы на постановление о заключении под стражу, вынесенное районным судом 18 ноября 2009 года. В тот же день городской суд оставил без изменения постановление о продлении срока содержания под стражей от 8 апреля 2010 года.

147. 2 июля 2010 года транспортная прокуратура вынесла постановление об изменении меры пресечения в отношении заявительницы с заключения под стражу на домашний арест.

148. Определением от 14 июля 2010 года городской суд отклонил жалобу заявительницы на постановление районного суда о заключении заявительницы под стражу от 1 апреля 2010 года.

II. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКА

A. Содержание под стражей в ожидании выдачи и судебный пересмотр решения о содержании заявительницы под стражей

1. Конституция Российской Федерации

149. Конституция гарантирует право на свободу (статья 22):

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.

2. Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов».

2. Минская конвенция 1993 года

150. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам («Минская конвенция

1993 года»), участниками которой являются Российская Федерация и Республика Казахстан, предусматривает, что при исполнении поручения об оказании правовой помощи запрашиваемая Договаривающаяся Сторона применяет свое внутреннее законодательство (пункт 1 статьи 8).

151. К требованию о выдаче должно прилагаться решение о заключении под стражу (пункт 2 статьи 58). По получении требования о выдаче запрашиваемая Договаривающаяся Сторона немедленно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (статья 60).

152. Лицо, выдача которого требуется, может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В таких случаях должно быть направлено специальное ходатайство о взятии под стражу, в котором должна содержаться ссылка на решение о заключении под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет представлено дополнительно (пункт 1 статьи 61). Лицо может быть задержано и без ходатайства, если имеются предусмотренные законодательством основания подозревать, что оно совершило на территории другой Договаривающейся Стороны преступление, влекущее выдачу. О задержании необходимо немедленно уведомить другую Договаривающуюся Сторону (пункт 2 статьи 61).

153. Лицо, взятое под стражу согласно статье 61, должно быть освобождено, если требование о выдаче не будет получено в течение сорока дней со дня взятия под стражу (пункт 1 статьи 62).

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

154. В УПК РФ термин «суд» определяется как «любой суд общей юрисдикции, рассматривающий уголовное дело по существу и выносящий решения, предусмотренные настоящим Кодексом» (часть 48 статьи 5). Термин «судья» определяется в УПК РФ как «должностное лицо, уполномоченное осуществлять правосудие» (часть 54 статьи 5).

155. Глава 13 УПК РФ («Меры пресечения») регламентирует использование мер пресечения при проведении разбирательства по уголовному делу. Такие меры включают в себя заключение под стражу. Заключение под стражу применяется по судебному решению на основании ходатайства следователя или прокурора в отношении обвиняемого в совершении преступлений, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не менее двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения (части 1 и 3 статьи 108). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (часть 1 статьи 109). Этот срок может быть продлен судьей на срок до шести месяцев (часть

2 статьи 109). Дальнейшее продление срока содержания под стражей до двенадцати или, в исключительных случаях, до восемнадцати месяцев может быть осуществлено только в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких или особо тяжких преступлений (часть 3 статьи 109). Продление срока более чем на восемнадцать месяцев не допускается, а лицо, содержащееся под стражей, подлежит немедленному освобождению (часть 4 статьи 109). Мера пресечения отменяется или изменяется, когда изменяются основания для избрания меры пресечения. Отмена или изменение меры пресечения производится по постановлению следователя, прокурора либо по определению суда (статья 110).

156. Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу может быть обжаловано в вышестоящий суд в апелляционном порядке в течение 3 суток со дня его вынесения (часть 11 статьи 108). Апелляционные и кассационные жалобы подаются в суд первой инстанции (статья 355). В то время как УПК РФ не устанавливает крайний срок, в течение которого суд первой инстанции должен передать апелляционную или кассационную жалобу и материалы дела в суд апелляционной или кассационной инстанции, Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации № 36 от 29 апреля 2003 года требует, чтобы «по истечении трехдневного срока для обжалования» суд первой инстанции передавал дело в вышестоящую инстанцию. Получив материалы дела, суд апелляционной инстанции принимает решение по жалобе не позднее чем через 3 суток со дня ее поступления (часть 11 статьи 108).

157. Глава 16 («Обжалование действий и решений суда и должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство») предусматривает судебный пересмотр решений и действий или бездействия следователя и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства (часть 1 статьи 125). Компетентный суд — это суд с территориальной юрисдикцией в отношении территории, на которой осуществляется предварительное расследование (там же).

158. Глава 54 УПК РФ («Выдача лица для уголовного преследования или исполнения приговора») регламентирует порядок выдачи. При получении требования о выдаче, к которому не прилагается решение о заключении под стражу, вынесенное судебным органом иностранного государства, прокурор должен решить вопрос о необходимости избрания меры пресечения лицу, в отношении которого поступило требование о выдаче. Такая мера должна применяться в соответствии с установленным порядком (часть 1 статьи 466). Если к запросу о выдаче лица прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении лица под стражу, то прокурор вправе подвергнуть это лицо домашнему аресту

или заключить его под стражу «без подтверждения указанного решения судом Российской Федерации» (часть 2 статьи 466).

4. Соответствующая прецедентная практика Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации

159. 4 апреля 2006 года Конституционный суд рассмотрел жалобу Н., который утверждал, что отсутствие ограничений сроков содержания под стражей лица в ожидании выдачи несовместимо с конституционной гарантией против произвольного лишения свободы. В своем определении № 101-О от той же даты Конституционный суд признал жалобу недопустимой. По мнению Конституционного Суда, отсутствие определенных правил по вопросам заключения под стражу в части 1 статьи 466 не создает несовместимого с Конституцией пробела в праве. Пункт 1 статьи 8 Минской Конвенции предусматривает, что при исполнении требования об оказании правовой помощи запрашиваемая сторона применяет законодательство своей страны, то есть в случае с Россией, порядок, который установлен Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Эта процедура охватывает, в частности, часть 1 статьи 466 Кодекса и нормы, сформулированные в его главе 13 («Меры пресечения»), которые, благодаря их общему характеру и положению в части I Кодекса («Общие положения»), являются применимыми ко всем стадиям и формам уголовного судопроизводства, включая судопроизводство по рассмотрению требований о выдаче. Соответственно, часть 1 статьи 466 УПК не позволяет властям применять меру пресечения в виде содержания под стражей без соблюдения процедуры, установленной в УПК, либо с превышением установленных в УПК предельных сроков. Суд также отказался анализировать часть 2 статьи 466, установив, что она не была применена к делу Н.

160. 1 марта 2007 года Конституционный суд своим определением № 333-О-П постановил, что статьи 61 и 62 Минской Конвенции, регулирующие содержание под стражей в ожидании получения требования о выдаче, не определяют орган или должностное лицо, обладающее полномочиями выдавать распоряжение о заключении под стражу, а также применяемую процедуру или сроки. Согласно статье 8 Минской конвенции применимые процедуры и сроки должны устанавливаться национальным законодательством.

161. Конституционный Суд также напомнил о своей устоявшейся правовой позиции, согласно которой объем конституционного права на свободу и личную неприкосновенность является одинаковым для иностранных граждан, лиц без гражданства и для граждан Российской Федерации. Иностранный гражданин или лицо без гражданства не могут быть задержаны в России более чем на 48 часов без

постановления суда. Это конституционное требование служит гарантией защиты не только от чрезмерной продолжительности срока задержания сверх 48 часов, но и от произвольного задержания, поскольку суд оценивает законность и обоснованность задержания конкретного лица. Конституционный Суд постановил, что часть 1 статьи 466 УПК во взаимодействии с Минской Конвенцией не может быть истолкована, как разрешение на содержание лица под стражей более 48 часов на основании запроса о его выдаче без постановления российского суда¹. Мера пресечения в виде заключения под стражу может быть применена только в соответствии с процедурой и сроками, установленными в Главе 13 УПК.

162. 19 марта 2009 года Конституционный Суд своим определением № 383-О-О признал недопустимым запрос о проверке конституционности части 2 статьи 466 УПК, указав, что это положение «не устанавливает сроков содержания под стражей и не устанавливает основания и процедуры избрания меры пресечения, она лишь закрепляет правомочие прокурора на исполнение уже состоявшегося решения компетентного судебного органа иностранного государства о заключении под стражу лица, обвиняемого в совершении преступления. Таким образом, оспариваемая норма не может считаться нарушающей конституционные права [заявителя] ...».

163. 10 февраля 2009 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 1, в котором дал разъяснение применению статьи 125 УПК РФ. Он указал, что действия или бездействие органов следствия и судебного преследования, в том числе решение прокуратуры о содержании лица под домашним арестом или о заключении его под стражу с целью выдачи, может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК РФ. Пленум подчеркнул, что объявляя конкретное решение, действие или бездействие со стороны правоохранительных органов незаконным или необоснованным, судья не имеет права отменить оспариваемое решение или дать ответственному за это должностному лицу указание отменить его или предпринять какие-либо конкретные действия; суд может только поручить исправить выявленные недостатки. Если соответствующий орган не выполняет указаний суда, заинтересованная сторона может обратиться в суд, который может

¹ Так в тексте. В определении Конституционного Суда указано: «часть первая статьи 466 УПК Российской Федерации, как не предполагающая возможность задержания лица на основании ходатайства иностранного государства на срок свыше 48 часов без судебного решения, а также применения к такому лицу меры пресечения в виде заключения под стражу вне предусмотренного уголовно-процессуальным законодательством порядка и сверх установленных им сроков, не нарушает конституционные права заявителя.» (прим. переводчика)

вынести частное определение, обращая внимание данного органа на ситуацию.

164. 29 октября 2009 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление № 22 в котором подчеркивается, что в соответствии с частью 1 статьи 466 УПК РФ только суд может вынести решение о заключении под стражу лица, в отношении которого проводится проверка по вопросу о выдаче, в том случае, если власти запрашивающей страны не представили суду решения о заключении данного лица под стражу. Судебная санкция на заключение лица под стражу в подобной ситуации должна выдаваться в порядке, предусмотренном статьей 108 УПК РФ, на основании ходатайства прокурора о заключении данного лица под стражу. Принимая решение о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, суду надлежит проверить фактические и правовые основания для избрания такой меры пресечения. Если к требованию о выдаче прилагается решение судебного органа иностранного государства о заключении такого лица под стражу, прокурор в соответствии с частью 2 статьи 466 УПК РФ вправе заключить его под стражу без подтверждения российским судом указанного решения на срок, не превышающий 2 месяца. Решение прокурора может быть обжаловано в суд в соответствии со статьей 125 УПК РФ. Продлевая срок содержания под стражей в отношении такого лица, суду необходимо руководствоваться положениями статьи 109 УПК РФ.

165. В недавно принятом постановлении № 11 от 14 июня 2012 года Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что лицо, выдача которого запрашивается, может быть задержано до получения запроса о выдаче лишь в случаях, предусмотренных международными договорами, в которых Россия является стороной, например, в соответствии со статьей 61 Минской конвенции. Заключение под стражу в этих обстоятельствах должно санкционироваться и содержание под стражей должно продлеваться российским судом в соответствии порядком и в рамках сроков, установленных статьями 108 и 109 УПК РФ. В решении о заключении под стражу должен быть указан срок, на который лицо заключается под стражу или на который продляется его заключение, а также дата окончания этого срока. Если требование о выдаче не будет получено в течение месяца или в течение сорока дней в случае если запрашивающее государство является участником Минской конвенции, лицо, в отношении которого запрашивается выдача, должно быть немедленно освобождено.

Б. Международные материалы относительно Казахстана

166. Соответствующие доклады в отношении Казахстана за период между 2004 и 2009 годами можно найти в постановлении Европейского Суда от 10 февраля 2011 года по делу «Джаксыбергенов против Украины» (*Dzhaksybergenov v. Ukraine*), жалоба № 12343/10, пункты 25-29.

167. В выступлении на 13-й сессии Совета по правам человека от 8 марта 2010 года Специальный докладчик ООН по вопросам о пытках Манфред Новак сообщил, среди прочего, что «хотя условия содержания под стражей в Казахстане за последние годы намного улучшились, практика применения пыток, безусловно, выходила за рамки отдельных дел, хотя и не имела широкомасштабного или систематического характера».

168. Глава, посвященная Казахстану, доклада неправительственной организации Amnesty International «Состояние прав человека в мире в 2010 году», изданного в 2010 году, в соответствующих частях гласит:

«... Признания, полученные под пытками, до сих пор принимают в качестве доказательств в ходе судебных разбирательств. Судебные разбирательства по уголовным делам не соответствуют международным стандартам проведения справедливого судебного разбирательства. Пытки и другие виды жестокого обращения со стороны сотрудников сил безопасности по-прежнему широко распространены, в частности, пытки со стороны сотрудников Службы национальной безопасности в контексте операций по обеспечению национальной безопасности и по борьбе с терроризмом и коррупцией. Все еще ограничены свобода выражения мнения и свобода вероисповедания.

... Пытки и другие виды жестокого обращения

В ноябре Европейский Суд по правам человека вынес постановление по делу «Кабулов против Украины» (*Kaboulov v. Ukraine*), в котором выдача властям Казахстана любого подозреваемого, в том числе Амира Дамировича Кабулова, являлась бы нарушением статьи 3 Европейской конвенции по правам человека, поскольку подозреваемые подверглись бы серьезному риску применения пыток или бесчеловечного или унижающего достоинство обращения.

Несмотря на поправки, внесенные в уголовный и уголовно-процессуальный кодексы для прекращения злоупотреблений, пытки и другие виды жестокого обращения по-прежнему широко распространены. Признания предположительно получались под пытками и по-прежнему учитывались в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве, а граждан по-прежнему неофициально удерживали под стражей в течение более трех часов, установленных национальным законодательством. Вопрос об отсутствии четкого определения условий содержания под стражей до сих пор остается нерассмотренным, несмотря на рекомендации Комитета ООН против пыток, представленных в ноябре 2008 года.

После своего визита в Казахстан в мае 2009 года Специальный докладчик ООН по вопросу о пытках сделал вывод о том, что «получил множество достоверных заявлений об избиении руками, кулаками, ногами, пластиковыми бутылками, наполненными песком, а также полицейскими дубинками, об

удушении с помощью пакетов и противогазов, использованных для получения признательных показаний от подозреваемых. В ряде случаев такие заявления подтверждались результатами судебно-медицинских экспертиз.» ...

Условия содержания в тюрьмах

Инесса Карху — бухгалтер по профессии — отбывает приговор к восьми годам лишения свободы за мошенничество, вынесенный ей в 2007 году, по-прежнему не получает необходимой медицинской помощи в отношении глаукомы, болезни, которая постепенно разрушает зрение. Состояние ее здоровья продолжало ухудшаться в течение всего года, и имеются опасения, что в случае неоказания срочной медицинской помощи она может в конечном итоге потерять зрение. Она вынуждена была принимать лекарства, которые ей приносили члены семьи, что стало затруднительным после ее перевода в тюрьму города Алма-Аты, расстояние до которого от столицы Астаны составляет около 1 000 км. После применения международного давления в ноябре Инесса Карху была осмотрена независимым офтальмологом, который обнаружил, что болезнь значительно прогрессировала, и что оба глаза были повреждены. Тем не менее, до декабря Инессе Карху не предоставлялась рекомендованная медицинская помощь.»

169. Организация Human Rights Watch в своем Всемирном докладе 2010 года по Казахстану, подготовленном в январе 2010 года, подвергла критике ситуацию в Казахстане в отношении свободы выражения мнения и свободы собраний и считает, что за скромными реформами начала 2009 года в Казахстане последовала серия ударов по правам человека. Однако в докладе не упоминается вопрос о жестоком обращении или пытках задержанных и условиях содержания под стражей в этой стране.

170. Заявительница ссылалась на доклад под названием «Страны переходного периода в 2010 году — Казахстан», опубликованный в июне 2010 года неправительственной организацией США Freedom House, который, в соответствующих частях гласит следующее:

« ... Национальное демократическое управление. Воодушевленные своим растущим экспортом нефти и ростом благосостояния за последние десять лет, Казахстан применил риторику демократизации для того, чтобы добиться признания в Европе и Соединенных Штатах, однако не смог продемонстрировать свою приверженность на практике. ...

Кроме того, правительство продолжает вендетту в отношении недовольных бывших членов режима. Например, в отношении Мухтара Аблязова, бывшего министра и оппозиционера, который впоследствии стал председателем БТА, ведущего банка страны, были предъявлены обвинения в политически мотивированном мошенничестве в 2009 году, а широко уважаемый технократ и бывший глава государственной компании по добыче и переработке урана Мухтар Жакишев был задержан на сомнительных основаниях, видимо, по причине его личных контактов с Аблязовым ...

Судебная система и независимость. Судебная система, которая, как и законодательная ветвь власти, действует под патронажем президента, осталась лояльной режиму и защищала интересы государства и его чиновников, а не интересы отдельных граждан, меньшинств и более слабых слоев общества.

Значительное увеличение финансирования, выделяемого на развитие судебной системы, привело к улучшению профессиональной подготовки, технической инфраструктуры и уровня заработной платы с целью борьбы с коррупцией. Принятие новой системы рассмотрения дела судом с участием присяжных заседателей и последовательные реформы в пенитенциарной системе обозначают положительные изменения. Тем не менее, разбирательство в отношении Евгения Жовтиса в 2009 году, которое было омрачено процедурными нарушениями и отсутствием надлежащего рассмотрения доказательств, а также продолжающееся судебное преследование противников режима и критически настроенных СМИ доказали неспособность судебной системы осуществлять надлежащие процедуры и выносить справедливые и независимые приговоры ...

Два недавних громких дела о коррупции — обвинения во многомиллионном мошенничестве, выдвинутые в отношении бывшего руководства БТА во главе с Мухтаром Аблязовым, и связанное с этим дело в отношении бывшего главы «Казатомпрома» Мухтара Жакишева — имеют четкую политическую окраску. БТА Банк понес огромные потери в условиях мирового финансового кризиса, результатом чего стало приобретение государством контрольного пакета акций в начале 2009 года. В августе новое руководство компании, контролируемое государством, возбудило судебное разбирательство в Высоком суде Лондона, куда бежали Аблязов и его сообщники, обвиняя их в хищении у банка приблизительно 300 млн. долларов США путем заключения ряда сомнительных соглашений. Суд Лондона пошел навстречу и заморозил активы Аблязова и его сообщников на время рассмотрения дела ...

Жакишев был арестован в мае 2009 года по обвинению в мошенничестве на сумму 690 тысяч долларов США. Его обвиняли в учреждении своих собственных дочерних компаний в Австрии с использованием государственных ресурсов и незаконной продаже урановых активов. Случай связал его с Рахатом Алиевым, который в то время являлся послом Казахстана в Австрии. Жакишев утверждает, что производимые им операции были законными и были одобрены правительством, а также то, что президент напрямую контролировал урановую промышленность, следовательно, ни одно месторождение не могло быть продано без его ведома. Существует широко распространенное мнение о том, что Жакишев, близкий друг Аблязова, мог быть использован для получения сведений об активах Аблязова, и что в случае согласия сотрудничать он может быть освобожден.

К концу 2009 года многие топ-менеджеры, связанные с БТА, получили тюремные сроки от двух до восьми лет, хотя достоверность обвинений и доказательств, представленных в суде, оставалась сомнительной. Ряд других специалистов, которые либо были связаны с Аблязовым и руководством БТА, либо подозревались в связи с ними, предположительно избежали ареста, дав огромные взятки генеральному прокурору и представителям финансовой полиции».

171. В ежегодном докладе за 2011 год «Состояние прав человека в мире» организация Amnesty International заявила в соответствующих частях следующее:

« ... Не уменьшался поток сообщений о пытках и других видах жестокого обращения, несмотря на обещания властей занять непримиримую позицию в этом вопросе. Бездна за такие нарушения прав человека сохраняется ...

В январе Казахстан занял пост председателя ОБСЕ, сделав важнейшей задачей ОБСЕ борьбу с терроризмом и обеспечение общественной безопасности в Европе и Центральной Азии. Обязательства в области прав человека не вошли в число приоритетов нового временного руководства организации.

В мае парламент утвердил поправку к Конституции, согласно которой президент Нурсултан Назарбаев получил статус «лидера нации» ... Изображение «лидера нации» оскорбительным образом и искажение его биографии стали уголовными преступлениями ...

Пытки и другие виды жестокого обращения

Власти ввели ряд мер, направленных на предотвращение пыток, в том числе расширение доступа к местам содержания под стражей для независимых общественных наблюдателей, а также публичная приверженность непримиримой позиции по вопросу о пытках.

Политика Казахстана в области прав человека рассматривалась в рамках процедуры универсального периодического обзора ООН в феврале. В своем представлении делегация правительства в очередной раз заявила, что власти Казахстана твердо придерживаются политики абсолютной нетерпимости к пыткам и «не остановятся, пока не будут полностью и повсеместно ликвидированы последние проявления пыток».

В феврале правительство отложило учреждение независимого механизма по надзору за местами лишения свободы – национального превентивного механизма (НПМ) – на срок до трех лет. Тем не менее, в соответствии со своими обязательствами по Факультативному протоколу к Конвенции ООН против пыток власти продолжали разрабатывать правовую базу для НПМ в тесном сотрудничестве с казахскими и международными НПО, а также межправительственными организациями.

В апреле Генеральная прокуратура сообщила Amnesty International, что представителям Независимой общественной наблюдательной комиссии предоставили беспрецедентный доступ в следственные изоляторы Комитета национальной безопасности; было проведено четыре визита в 2009 году и восемь – в 2010 году.

Несмотря на эти меры, многие из тех, кого задерживала полиция, сообщали о применении к ним пыток и других видов жестокого обращения как до момента официальной регистрации в полицейском участке, так и после. Сотрудники правоохранительных органов часто не соблюдали действующий закон о задержании, согласно которому задержанных необходимо регистрировать в течение трех часов после ареста.

В октябре спецдокладчик ООН по вопросу о пытках подверг Казахстан критике за то, что в стране по-прежнему не раскрывался весь масштаб пыток и других видов жестокого обращения в изоляторах и тюрьмах.

Безнаказанность

С безнаказанностью подобных нарушений прав человека практически не боролись. Власти не выполнили в полной мере и эффективно обязательства Казахстана, взятые на себя в рамках Конвенции ООН против пыток. Кроме того, они не выполняли рекомендации Комитета ООН против пыток и других договорных органов и специальных процедур ООН, особенно в том, что касается своевременного, тщательного, независимого и беспристрастного расследования всех сообщений о пытках и других видах жестокого обращения.

В апреле Генеральная прокуратура сообщила Amnesty International, что в 2009 году только два заявления о пытках со стороны сотрудников силовых структур получили подтверждение и по ним возбудили уголовные дела в отношении виновников. Генеральная прокуратура отвергла как необоснованные все жалобы на применение сотрудниками силовых структур пыток, поданные теми людьми, чьими делами занимались Amnesty International, другие правозащитные организации и спецдокладчик ООН по вопросу о пытках.»

172. Документ под названием «Перечень вопросов, препровождаемый Казахстану до представления им своего третьего периодического доклада» (CAT/C/KAZ/3), рассмотренный Комитетом ООН против пыток на 45-ом заседании Комитета в ноябре 2010 года и опубликованный в феврале 2011 года, в соответствующих частях гласит следующим образом:

«... Статья 2

3. Согласно информации, поступившей в Комитет со времени рассмотрения предыдущего периодического доклада в 2008 году, пытки и жестокое обращение, включая угрозы полового насилия и изнасилования, совершаемые сотрудниками правоприменяющих органов, по-прежнему являются в государстве-участнике проблемой, вызывающей большую озабоченность, и такие случаи в определенной степени систематически и нередки.»

173. Тридцать пятый ежегодный доклад ООН по правам человека, принятый 28 июля 2011 года (A/66/40 (том I)), в соответствующих частях гласит:

«...

Отмечая принятие плана действий на 2010-2012 годы по исполнению рекомендаций Комитета против пыток, Комитет выражает обеспокоенность в связи с увеличением количества сообщений о пытках и низком уровне расследования специальными прокурорами заявлений о пытках. Комитет также обеспокоен тем, что максимальное наказание (10 лет лишения свободы) за применение пыток, повлекших смерть, предусмотренные статьей 347-1 Уголовного кодекса Республики Казахстан, является слишком мягким (статья 7).

Государству-участнику следует принять необходимые меры, чтобы положить конец пыткам, в частности, усиление полномочий специальных прокуроров на проведение независимых расследований по факту предполагаемых нарушений со стороны сотрудников правоохранительных органов. В этой связи государство-участник должно обеспечить сотрудникам правоохранительных органов дальнейшую профессиональную подготовку по вопросу предотвращения пыток и жестокого обращения путем введения во все учебные программы для сотрудников правоохранительных органов Руководство по эффективному расследованию и документированию пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Стамбульский протокол) 1999 года. Таким образом, государству-участнику следует обеспечить, чтобы сообщения о пытках и жестоком обращении эффективно расследовались, виновные привлекались к ответственности и подвергались соответствующему наказанию, а потерпевшие получали надлежащее возмещение. В этой связи государству-участнику предлагается

пересмотреть свой Уголовный кодекс для обеспечения того, чтобы наказания за применение пыток были соразмерны характеру и тяжести таких преступлений».

174. Глава о Казахстане Ежегодного доклада Amnesty International за 2012 год, опубликованного в мае 2012 года, в соответствующих частях гласит следующее:

« ... Продолжали поступать сообщения о пытках и других видах жестокого обращения со стороны сотрудников силовых структур, несмотря на утверждения властей о том, что для решения этой проблемы приняты успешные меры. Правоохранительные органы превысили допустимую силу при разгоне массовых акций протеста во время забастовки нефтяников и работников газовой отрасли, задержали десятки участников протеста и их сторонников, а также активистов профсоюзов и оппозиции ...

Пытки и другие виды жестокого обращения

В июле Комитет ООН по правам человека рассмотрел доклад Казахстана о выполнении положений МПГПП. Комитет выразил сожаление в связи с тем, что Казахстан не добился прогресса в решении проблемы искоренения пыток. Кроме того, Комитет усомнился в наличии у властей политической воли к выполнению взятых на себя обязательств, особенно в части эффективного расследования утверждений о пытках и других видах жестокого обращения. В том же месяце, перечеркнув прошлые достижения, президент подписал указ о передаче пенитенциарной системы обратно в ведение Министерства внутренних дел. Тем самым был нанесен сокрушительный удар по реформам, многие годы проводившимся правительством с участием НПО. С 2004 года, когда тюрьмы и следственные изоляторы перешли в ведение Министерства юстиции, общественным наблюдателям стало намного проще осуществлять надзор. Напротив, камеры при отделениях полиции и прочие места содержания под стражей в ведомстве Министерства внутренних дел оставались труднодоступными. Именно отсюда поступало наибольшее число жалоб на пытки ...

Вскоре после беспорядков в Жанаозене 16 декабря начали поступать сообщения от бывших задержанных и их родственников о том, что в тесные полицейские камеры согнали десятки людей, в том числе молодых женщин, и удерживали их там без права общения с внешним миром. По их словам, задержанных раздевали донага, избивали, обливали холодной водой. Журналисты сообщали, что слышали крики, раздающиеся из помещений для допросов в полиции. К сожалению, не имея доступа в полицейские участки, независимые наблюдатели не смогли проверить эти заявления. Как минимум один мужчина, по сообщениям, скончался от пыток, которым его подвергли в полиции.»

175. Всемирный доклад, опубликованный организацией Human Rights Watch в 2012 году, не относится к проблеме жестокого обращения в местах лишения свободы и в соответствующих частях гласит следующее:

« ... В год, следующий за председательством в ОБСЕ, Казахстан так и не осуществил обещанных реформ в области прав человека. Вместо этого наблюдались новые негативные моменты. Пенитенциарные учреждения были возвращены из Минюста в ведение МВД, тем самым тюрьмы были возвращены под контроль правоохранительных органов, был принят новый

ограничительный закон о религии. Имело место блокирование доступа к интернет-сайтам, сохранялись ограничительные поправки в законодательство о свободе СМИ. Профсоюзному юристу за разъяснение рабочим их прав дали шесть лет колонии. Власти продолжали привлекать активистов к ответственности за нарушение ограничительного порядка свободы собраний, ведущий казахстанский правозащитник Евгений Жовтис остается в тюрьме.

Свобода собраний

Власти Казахстана сохраняют ограничительное регулирование свободы собраний, за организацию несанкционированных протестов и пикетов и (или) участие в них активисты и другие лица подвергаются задержанию и штрафу. Работа над законопроектом о мирных собраниях оставалась приостановленной.

В январе в двух отдельных случаях в Алма-Ате и Уральске немногочисленные группы активистов подвергались задержанию и штрафу за выступления против референдума о продлении полномочий Назарбаева. В августе трое активистов Социалистического движения Казахстана получили административный арест, когда устроили пикет в поддержку бастующих нефтяников у офиса партии «Нур Отан» в Алма-Ате.

В середине мая нефтяники на западе Казахстана проводили забастовки и другие формы трудовых протестов, требуя повышения заработной платы, пересмотра коллективных договоров и невмешательства в деятельность профсоюзов. 5 июня полиция разогнала несколько сотен человек, попытавшихся протестовать у областной администрации в Актау, несколько десятков человек были задержаны и оштрафованы. 8 июля омовцы разогнали бастовавших нефтяников в Жанаозене, а на следующую ночь применили силу к рабочим, которые продолжали голодовку. В середине августа нефтяник Акжанат Аминов получил два года условно по делу об организации незаконной забастовки ...

Задержания активистов

8 августа профсоюзный юрист Наталья Соколова была приговорена к шести годам лишения свободы с лишением права заниматься общественной деятельностью на три года по делу о «возбуждении социальной вражды» за разъяснение рабочим вопросов неравенства в оплате труда и «активное участие в незаконных собраниях» в нефтяной компании на западе Казахстана. 26 сентября апелляционная инстанция оставила приговор без изменения, поддержав нарушение правительством ее права на свободное выражение мнения и на свободу объединений.

19 августа апелляционная комиссия в колонии отклонила последнее по времени ходатайство политического активиста Айдоса Садыкова о переводе в колонию-поселение – пенитенциарное учреждение с более свободным режимом. В июле 2010 года он был осужден по делу о «хулиганстве с оказанием сопротивления полиции», которое выглядело как подстроенное по политическим мотивам.

2 августа самый известный казахстанский правозащитник, глава Казахстанского международного бюро по правам человека и соблюдению законности Евгений Жовтис повторно получил отказ в условно-досрочном освобождении. 3 сентября 2009 года он был признан виновным в непредумышленном убийстве человека в результате дорожно-транспортной аварии. Судебное разбирательство по этому делу было несправедливым, сопровождалось серьезными процессуальными нарушениями, которые

фактически лишили обвиняемого права представить доводы в свою защиту. Жовтис был приговорен к четырем годам колонии-поселения. ...

Ключевые международные игроки

Кульминацией неоднозначного председательства Казахстана в ОБСЕ стал саммит этой организации в Астане в декабре 2010 года. Проходивший параллельно гражданский форум принял рекомендации по усилению соблюдения государствами-членами ОБСЕ обязательств в области прав человека и по совершенствованию сотрудничества с неправительственным сектором. Накануне саммита госсекретарь США Хиллари Клинтон провела встречу с представителями организаций гражданского общества, подчеркнув, что основополагающие свободы, такие как свобода выражения мнений, объединений и религии, «абсолютно необходимы при построении устойчивых обществ». Госсекретарь высоко оценила деятельность нескольких казахстанских правозащитных групп, включая Алматинский Хельсинкский комитет и Казахстанское международное бюро правам человека и соблюдению законности.

В июле 2011 года Комитет по правам человека при рассмотрении ситуации в Казахстане высказал критику в связи с использованием детского труда в табаководстве и хлопководстве и неоправданными ограничениями свободы объединений и собраний. Комитет отметил «обеспокоенность в связи с сообщениями о том, что угрозы, нападения, притеснения и запугивание журналистов и правозащитников серьезно сузили реализацию свободы выражения мнений», и призвал Казахстан «обеспечить полное соблюдение принципа недопустимости принудительного возвращения».

В июле Верховный представитель по иностранным делам и политике безопасности Европейского союза Кэтрин Эштон приветствовала запуск переговоров о «расширенном партнерстве» между ЕС и Казахстаном, которые начались в октябре, подчеркнув, что «на успешное завершение этих переговоров будет влиять ход демократических реформ».

В сентябре представитель США в ОБСЕ и ЕС выступали с критическими заявлениями в связи с событиями в Казахстане, включая дело Натальи Соколовой и передачу пенитенциарной системы в ведение МВД. Однако такая публичная критика нарушений прав человека в Казахстане со стороны ЕС и США звучит приглушенно.»

ПРАВО

I. ОБЪЕМ ПРЕДСТАВЛЕННОГО В СУД ДЕЛА

176. Суд отмечает, что первоначально поданная жалоба содержала лишь факты и заявления со ссылкой на статью 3, пункты 1 и 4 статьи 5, статьи 6 и 13 в отношении выдачи заявительницы; риска отказа в проведении справедливого судебного разбирательства в отношении нее; медицинской помощи, которая предоставлялась ей в заключении в России; законности, качества и безотлагательности судебного пересмотра решения о ее содержании под стражей в ожидании выдачи,

а также эффективных средств правовой защиты относительно ее жалобы на решение о выдаче, поданной в соответствии со статьей 3. После того, как Суд коммуницировал жалобу властям государства-ответчика, заявительница сделала ряд новых заявлений со ссылкой на статьи 2, 3, 5, 6, 8, 13, 18 Конвенции и статью 2 Протокола № 4, которые были также включены в ее дополнительные замечания от 4 и 31 мая 2012 года, запрошенные Судом.

177. Как и в ранее рассмотренных делах, в настоящем деле Суд не считает целесообразным рассматривать новые вопросы, поднятые заявителем после коммуникации жалобы Властям, если они не представляют собой доработку первоначальных жалоб, поданных в Суд (см. постановления Европейского Суда от 6 декабря 2011 года по делу «Рафик Алиев против Азербайджана» (*Rafiq Aliyev v. Azerbaijan*), жалоба № 45875/06, пункты 69-70; от 30 марта 2004 года по делу «Нурай Шен против Турции» (*Nuray Şen v. Turkey (№ 2)*), жалоба № 25354/94, пункт 200; от 19 апреля 2005 года по делу «Пиряник против Украины» (*Piryanik v. Ukraine*), жалоба № 75788/01, пункт 20; по делу «Ковач против Украины» (*Kovach v. Ukraine*), жалоба № 39424/02, пункт 38, ECHR 2008; от 9 июля 2009 года по делу «Юсупова и другие против России» (*Yusupova and Others v. Russia*), жалоба № 5428/05, пункт 51; решение Европейского Суда от 11 мая 2010 года по делу «Ружа против Латвии» (*Ruža v. Latvia*), жалоба № 33798/05, пункт 30, и постановление Европейского Суда от 27 мая 2010 года по делу «Сагхинадзе и другие против Грузии» (*Saghinadze and Others v. Georgia*), жалоба № 18768/05, пункт 72).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 3 И 13 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ВЫДАЧЕЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ В КАЗАХСТАН

178. Заявительница утверждала, что в случае выдачи в Казахстан она будет подвергнута риску жестокого обращения в нарушение статьи 3 Конвенции, и что она была лишена эффективных средств правовой защиты в отношении своей жалобы. Статьи 3 и 13 предусматривают:

Статья 3

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

Статья 13

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. Доводы сторон

1. *Власти*

179. Власти утверждали, что заявительница не подкрепила свое заявление о реальной угрозе быть подвергнутой риску жестокого обращения в случае выдачи. Казахстан является участником ряда международных соглашений по правам человека, и его национальное законодательство, в том числе Конституция и Уголовно-процессуальный кодекс, запрещает применение пыток. При утверждении решения о выдаче заявительницы российские суды приняли во внимание заверения, предоставленные властями Казахстана. Среди прочего, они гарантировали, что уголовное преследование заявительницы не было политически мотивированным, что она не будет подвергнута пыткам и что в случае необходимости ей будет обеспечена надлежащая медицинская помощь, что представителям властей Российской Федерации будет разрешено общаться с заявителем на любой стадии уголовного судопроизводства с целью проверки выполнения их казахскими коллегами своих обязательств. Власти также отметили, что в рамках своего сотрудничества с казахскими властями в вопросах о выдаче они никогда не сталкивались с невыполнением властями своих заверений. Власти особо подчеркнули, что хотя Президент Республики Казахстан и сделал несколько заявлений, касающихся Аблязова, ни в одном из них он не упомянул заявительницы.

180. Кроме того, Власти заявили, что национальные органы власти тщательно рассмотрели утверждения заявительницы о риске жестокого обращения, которому она может подвергнуться в ходе разбирательства по вопросу выдачи, как на досудебной, так и на судебной его стадиях. Они пришли к выводу, что заявительнице были предоставлены эффективные средства правовой защиты в отношении ее жалобы на нарушение статьи 3.

2. *Заявительница*

181. Ссылаясь на доклады различных неправительственных организаций, заявительница утверждала, что ситуация с правами человека в Республике Казахстан вызывала обеспокоенность и что пытки в отношении задержанных не были единичным случаем. Условия содержания под стражей, а также качество предоставления медицинской помощи заключенным в казахстанских местах содержания под стражей, были ненадлежащими и недостаточными. Кроме того, в июне 2010 года в Казахстане был принят Закон «О лидере Нации», который, среди прочего, признавал «публичное оскорбление президента Назарбаева или искажение фактов его

биографии» уголовным преступлением. Она утверждала, что ситуация ухудшилась вследствие событий в Жанаозене после забастовки нефтяников. Ссылаясь на постановление Суда по делу «Кабулов против Украины» (*Kaboulov v. Ukraine*) (жалоба № 41015/04, 19 ноября 2009 года), заявительница утверждала, что любой подозреваемый, содержащийся под стражей в Казахстане, подвергался риску применения пыток.

182. Кроме того, заявительница утверждала, что уголовное преследование в отношении Аблязова было политически мотивированным, что казахские власти обвинили его, помимо коррупции, еще и в причастности к терроризму, а поскольку следственные органы полагают, чтобы у нее были «доверительные отношения» с ним, выдвинутые против нее обвинения также носили политическую окраску. В этом отношении она опиралась на доклад организации Freedom House (см. пункт 170 выше). По утверждению заявительницы, с учетом заявлений представителей ГП Казахстана от 10 августа 2009 года, и заявления Назарбаева от 26 февраля 2009 года, а также того, что власти считают, что она была в «доверительных отношениях» с Аблязовым, было очевидно, что в случае возвращения в Казахстан она будет подвергнута пыткам с целью получения компрометирующих его заявлений.

183. Кроме того, она утверждала, что высокопоставленные казахские официальные лица уже подвергли ее пыткам, когда ворвались в палату интенсивной терапии клиники, где она лежала, и угрожали, что в случае отказа от сотрудничества с ними, в отношении нее будут приняты соответствующие ответные меры и ей будет отказано в предоставлении медицинской помощи. Кроме того, когда она находилась в заключении в России, к ней приходил представитель прокуратуры Казахстана, который в присутствии ее адвоката и российского следователя угрожал ей, что в случае отказа дать компрометирующие заявления в отношении Аблязова, в отношении нее будут приняты соответствующие ответные меры.

184. Кроме того, заявительница сомневалась, что, учитывая состояние ее здоровья и низкий уровень медицинского обслуживания в изоляторах запрашивающей стороны, ей будет предоставлена там медицинская помощь, необходимая ввиду ее состояния.

185. Ссылаясь на прецедентную практику Суда, заявительница утверждала, что заверения, предоставленные казахскими властями, были ненадежными; что одно из заверений было дано тем же лицом, которое угрожало ей отказом в доступе к медицинской помощи; и что в случае ее выдачи российские власти в любом случае не будут заинтересованы в проверке выполнения казахскими властями своих обязательств. Действительно, Верховный Суд Российской Федерации выразил сомнения по поводу надежности этих гарантий.

186. Наконец, она считала, что ей не были предоставлены эффективные средства правовой защиты в отношении жалобы на нарушение статьи 3, поскольку российские суды не дали надлежащую оценку риску того, что она может быть подвергнута пыткам, а вместо этого в значительной степени полагались на заверения запрашивающей стороны, не проверяя их надежность.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

187. Суд отмечает, что решение о выдаче в отношении заявительницы остается в силе, и, следовательно, все еще можно считать, что заявительница подвергается риску выдачи в связи с уголовным производством, ведущимся в отношении нее в Казахстане. Суд также отмечает, что 10 января 2012 года заявительнице было предоставлено временное убежище в Российской Федерации на один год (см. пункт 56 выше). Более подробной информации о причинах такого решения предоставлено не было; не было представлено сторонами и копии решения. Ни одна из сторон не утверждала и Суд не считает, что данная мера оказала влияние на статус жертвы в отношении заявительницы, поскольку решение о выдаче, которое лежит в основе жалобы заявительницы, остается в силе. Таким образом, заявительница по-прежнему является жертвой предполагаемого нарушения требований статьи 3 Конвенции.

188. Кроме того, Суд отмечает, что жалобы, поданные в соответствии со статьями 3 и 13, не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалоб

(а) Статья 3:

(i) Общие принципы

189. Суд напоминает, что выдача, осуществляемая Договаривающейся Стороной, может поднять вопрос в соответствии со статьей 3 Конвенции и, как следствие, повлечь ответственность стороны в соответствии с Конвенцией, если продемонстрированы серьезные основания полагать, что заинтересованное лицо в случае выдачи столкнется с реальной угрозой подвергнуться в запрашивающей стране обращению, противоречащему статье 3 Конвенции. Возникновение такой ответственности неизбежно влечет

оценку ситуации в запрашивающей стране как противоречащей стандартам статьи 3 Конвенции. Тем не менее, в таком случае не рассматривается вопрос об ответственности запрашивающего государства ни в соответствии с Конвенцией, ни в соответствии с нормами международного права в целом, ни по каким-либо иным основаниям. Ответственность в соответствии с Конвенцией может быть возложена только на договаривающуюся сторону, и наступает на основании совершения данной стороной действий, прямым последствием которых является запрещённое жестокое обращение с лицом. (см. постановление Большой Палаты по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkulov and Askarov v. Turkey*), жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, пункт 67, ECHR 2005-I, и постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 года по делу «Серинг против Соединенного Королевства» (*Soering v. the United Kingdom*), пункт 91, Series A, № 161).

190. При решении вопроса о доказанности реального риска для заявителя подвергнуться в случае выдачи обращению, запрещенному статьей 3 Конвенции, Суд рассмотрит этот вопрос в свете всех материалов, представленных ему сторонами, или, при необходимости, полученных им *proprio motu* (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Италии» (*Saadi v. Italy*), жалоба № 37201/06, пункт 128, ECHR 2008). Поскольку характер ответственности Договаривающихся Сторон в рамках статьи 3 Конвенции в делах данного вида обусловлен деянием, подвергающим лицо угрозе жестокого обращения, наличие риска должно оцениваться преимущественно с учетом тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающейся Стороне на момент выдачи (см. постановление Европейского Суда от 20 марта 1991 года по делу «Крус Варас и другие против Швеции» (*Cruz Varas and Others v. Sweden*), пункты 75-76, Series A, № 201, и постановление Европейского Суда от 30 октября 1991 года по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others v. the United Kingdom*), пункт 107, Series A, № 215). Однако, если заявитель не был выдан или депортирован во время изучения дела Судом, соответствующее время будет временем судопроизводства в Суде (см. постановление Европейского Суда от 15 ноября 1996 года по делу «Чахал против Соединенного Королевства» (*Chahal v. the United Kingdom*), пункты 85–86, Сборник постановлений и решений 1996-V).

191. Для того, чтобы определить, существовала ли на момент выдачи угроза жестокого обращения, Суд должен исследовать предсказуемые последствия выдачи заявителя в запрашивающем государстве, учитывая общую ситуацию в указанном государстве и его личные обстоятельства (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против

Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others*), пункт 108 *in fine*). В целом, именно заявитель должен представить доказательства, подтверждающие, что имеются серьезные основания полагать, что он подвергнется реальной опасности обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, в случае осуществления оспариваемой им меры (см. постановление Европейского Суда от 26 июля 2005 года по делу «N. против Финляндии» (*N. v. Finland*), жалоба № 38885/02, пункт 167). Если же такие доказательства приведены, то Власти будут обязаны рассеять любые сомнения на этот счет (см. постановление Европейского Суда от 19 июня 2008 года по делу «Рябикин против России» (*Ryabikin v. Russia*), жалоба № 8320/04, пункт 112).

192. Что касается общей ситуации в определенной стране, Суд полагает, что может придавать определенное значение информации, содержащейся в недавних докладах независимых международных правозащитных органов или организаций или в правительственных источниках (см., например, постановление Европейского Суда от 26 апреля 2005 года по делу «Мюслим против Турции» (*Muslim v. Turkey*), жалоба № 53566/99, пункт 67; и решение от 20 февраля 2007 года по вопросу приемлемости жалобы № 35865/03 «Аль-Моайад против Германии» (*Al-Moayad v. Germany*), пункты 65–66).

193. В то же время сама по себе возможность жестокого обращения вследствие нестабильной ситуации в запрашивающем государстве не влечет нарушения статьи 3 Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Вилвараджа и другие против Соединенного Королевства» (*Vilvarajah and Others*), пункт 111, а также решение Европейского Суда от 31 мая 2001 года по вопросу приемлемости жалобы № 67679/01 «Катани и другие против Германии» (*Katani and Others v. Germany*)). Если доступные Суду источники описывают общую ситуацию, конкретные утверждения заявителя по конкретному делу должны подтверждаться иными доказательствами (см. вышеуказанное постановление по делу Маматкулова и Аскарова, пункт 73).

194. В то же время, согласно статье 19 Конвенции, обязанность Суда состоит в том, чтобы гарантировать обеспечение соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по Конвенции. Что касается выдачи или депортации, Суд напоминает, что в случаях, когда заявитель предоставляет разумные основания, позволяющие усомниться в точности информации, на которую ссылаются Власти государства-ответчика, Суд должен убедиться в том, что властями Договаривающегося Государства проведена надлежащая оценка ситуации, и их выводы полным и достаточным образом подкреплены материалами, полученными на национальном уровне и из других заслуживающих доверия источников (см. постановление Европейского Суда от 11 января 2007 года по делу

«Салах Шеех против Нидерландов» (*Salah Sheekh v. the Netherlands*), жалоба № 1948/04, пункт 136).

195. При оценке таких материалов необходимо принимать во внимание их источник, в особенности его независимость, надежность и объективность. В отношении докладов важными факторами являются авторитет и репутация автора, серьезность исследования, посредством которого был собран материал для доклада, логичность представленных в докладе выводов и их подкрепленность другими источниками (см. вышеуказанное постановление Саади, пункт 143). Также необходимо учитывать, находится ли автор в рассматриваемой стране, и каковы его возможности для сбора материала. В этом отношении Суд замечает, что государства (государство-ответчик по конкретному делу или любое другое Договаривающееся или не-Договаривающееся государство), посредством своих дипломатических миссий и возможностей для сбора информации, зачастую могут предоставлять материал, имеющий большую ценность для оценки дела Судом. Суд считает, что точно такое же внимание должно заведомо (*a fortiori*) уделяться, подразделениям Организации Объединенных Наций, особенно с учетом наличия у них прямого доступа к органам власти запрашивающего государства, а также их способности производить проверки на местах и оценку с использованием таких методов, которые могут быть не доступны государствам и неправительственным организациям (см. постановление Европейского Суда от 17 июля 2008 года по делу «NA. против Соединенного Королевства» (*NA. v. the United Kingdom*), жалоба № 25904/07, пункт 121).

196. Хотя Суд признает, что многие доклады по самому своему характеру представляют собой общие оценки, большее значение обязательно должно придаваться тем докладам, в которых изучается ситуация в области соблюдения прав человека в принимающем государстве, и напрямую рассматриваются основания для предполагаемой реальной опасности жестокого обращения в деле, находящемся на рассмотрении Суда. В конечном счете, Суд проводит собственную оценку ситуации в области соблюдения прав человека в запрашивающем государстве только для того, чтобы определить, будет ли допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции, если заявитель по рассматриваемому им делу будет выдан данному государству. Поэтому значение, придаваемое независимым оценкам, неизбежно должно зависеть от степени, в которой эти оценки сформулированы в выражениях, сходных с языком статьи 3 (там же, пункт 122).

(ii) Применение данных принципов к настоящему делу

197. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд рассмотрит, были ли предсказуемые последствия выдачи заявительницы таковыми, что способны были привести к нарушению статьи 3. Учитывая, что заявительница до сих пор не выдана Казахстану по причине применения Судом временной меры в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, датой оценки степени такой опасности, соответственно, является дата рассмотрения дела Судом.

198. Суд с самого начала отмечает, что заявительница приводила доводы относительно риска жестокого обращения как в разбирательстве по вопросу предоставления убежища, так и в разбирательстве по вопросу выдачи. Разбирательство по вопросу предоставления убежища, в котором ФМС и суды главным образом обсуждали и отклонили утверждение заявительницы о политическом преследовании, имело место после четырех разбирательств по вопросу выдачи, в котором Верховный Суд несколько раз отменял определения городского суда, поскольку устанавливал, что судом не были тщательно рассмотрены доводы заявительницы о риске жестокого обращения (см. пункты 45, 48 и 51 выше).

199. Информация и документы, имеющиеся в распоряжении Суда, указывают на то, что после вынесения соответствующих определений Верховным Судом городской суд удовлетворил ходатайства заявительницы и ее адвокатов и приобщил к делу большое количество материалов, в том числе доклады различных международных органов о ситуации с правами человека в Республике Казахстан, статьи СМИ, видеозаписи и ряд постановлений Европейского Суда по правам человека, в том числе по делу Джаксисбергенова (*Dzhaksybergenov*) (см. пункты 52 и 53 выше). В ходе последнего разбирательства после рассмотрения этих материалов, а также информации и документов, полученных в ходе проверки по вопросу о выдаче, проведенной ГП России, национальные суды отклонили доводы заявительницы о риске жестокого обращения в связи с предполагаемыми политическими мотивами ее уголовного преследования и в связи с предполагаемыми угрозами в ее адрес со стороны должностных лиц Казахстана в Республике Казахстан, а также доводы о необоснованности ее содержания под стражей в России и о неубедительности заявлений государственных официальных лиц. Кроме того, национальные суды отметили, что состояние здоровья заявительницы не настолько вызывало опасения, чтобы запретить ее выдачу. Отклоняя жалобы заявительницы суды также сослались на многочисленные заверения властей Казахстана, которые, по их мнению, являются достаточными, к тому же, как считают суды, эти заверения были даны органами, наделенными необходимыми полномочиями (см. пункты 52-55 выше).

200. Принимая во внимание решения национального суда, а также с учетом своей собственной оценки утверждений заявительницы, Суд хотел бы подчеркнуть еще раз, что в своем недавнем постановлении по делу «Джаксыбергенов против Украины» (*Dzhaksybergenov v. Ukraine*) он отметил некоторые улучшения в ситуации с правами человека в Республике Казахстан и пришел к выводу, что не было никаких указаний на необходимость полного запрета на выдачу в эту страну (см. вышеуказанное постановление, пункт 37; см. также постановление Европейского Суда от 11 октября 2011 по делу «Шарипов против России» (*Sharipov v. Russia*), жалоба № 18414/10, пункт 35).

201. Принимая во внимание информацию, содержащуюся в последних докладах различных международных органов, кратко изложенную в пунктах 168-175 выше, Суд отмечает, что конкретный вопрос о пытках или жестоком обращении с задержанными рассмотрен в них в разном выражении: в то время как некоторые из них, например Amnesty International, считают пытки широко распространенным явлением, специальный докладчик ООН по вопросу о пытках заявил, что пытки не были широкомасштабны и не применялись систематически (см. пункт 167 выше), Комитет ООН против пыток и Комитет ООН по правам человека отметили, что пытки и жестокое обращение нельзя было назвать редким или единичным явлением и что данный вопрос по-прежнему вызывает серьезную озабоченность (см. пункты 172 и 173 выше). Принимая во внимание данную оценку ситуации и в то же время не недооценивая серьезность обеспокоенности, выраженной такими авторитетными источниками, как, например, Комитет ООН против пыток и Комитет ООН по правам человека, Суд, тем не менее, напоминает, что им неоднократно подчеркивалось, что указание на наличие общей проблемы, касающейся соблюдения прав человека в той или иной стране, как правило, является недостаточным для запрета выдачи (см. постановление Европейского Суда от 20 мая 2010 года по делу «Камышев против Украины» (*Kamyshev v. Ukraine*), жалоба № 3990/06, пункт 44, и постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу «Шакуров против России» (*Shakurov v. Russia*), жалоба № 55822/10, пункт 135).

202. Кроме того, Суд хотел бы обратить внимание на то, что национальные органы власти [Казахстана] и Власти отклонили утверждения заявительницы о риске жестокого обращения, опираясь, среди прочего, на заверения властей Казахстана, в котором те обещали, что ее преследование не было политически мотивированным, что ей будет предоставлена надлежащая медицинская помощь, что она не будет подвергнута пыткам или жестокому обращению и что соответствующим российским властям будет разрешено общаться с заявителем на любом этапе уголовного разбирательства в целях

проверки выполнения казахскими властями своих обязательств (см. пункты 33, 37, 42, 43 и 46 выше). В этой связи Суд повторяет, что дипломатические заверения не являются сами по себе достаточными для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, и необходимо рассмотреть вопрос о том, обеспечивают ли они на практике защиту заявительницы от любого такого риска (см. постановление Европейского Суда от 17 января 2012 года по делу «Отман (Абу Катада) против Соединенного Королевства» (*Othman (Abu Qatada) v. the United Kingdom*), жалоба № 8139/09, пункт 187).

203. В постановлении по делу Отмана (Абу Катады) (*Othman (Abu Qatada)*) Суд выдвинул обширный список критериев, которые должны применяться для оценки качества заверений с учетом конкретных обстоятельств дела, в том числе, среди прочего, для оценки того, сформулированы ли эти заверения в общих или конкретных выражениях и можно ли объективно проверить соблюдение этих заверений запрашивающим государством посредством дипломатических или других механизмов контроля, например, путем предоставления беспрепятственного доступа к адвокату заявительницы (см. там же, пункт 189). В данном деле Суд склонен считать, что заверения казахстанских властей носили, скорее, общий характер (сравните, например, постановление Европейского Суда от 1 апреля 2010 года по делу «Клейн против России» (*Klein v. Russia*), жалоба № 24268/08, пункт 55). Кроме того, хотя в заверениях и содержится указание на то, что компетентным российским органам власти будет разрешен доступ к заявительнице в ходе проведения уголовного разбирательства в отношении нее, Власти не отработали этот вариант и не отметили, имелись ли какие-либо конкретные механизмы — дипломатические или надзорные — с помощью которых может быть объективно проверено соблюдение этих обязательств (см., для сравнения, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу Отмана (Абу Катады), пункты 199, 203-204). Их расплывчатое заявление о том, что исходя из предыдущего опыта сотрудничества с Республикой Казахстан они не сталкивались с какими-либо проблемами по аналогичным вопросам (см. пункт 179 выше), не является достаточным для Суда для того, чтобы развеять сомнения относительно этих заверений. В общем, Суд не готов придать особый вес этим заявлениям в данном деле (см. постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу «Кожаев против России» (*Kozhayev v. Russia*), жалоба № 60045/10, пункт 84).

204. Как Суд уже заявлял выше, указание на наличие общей проблемы, касающейся соблюдения прав человека в той или иной стране не может служить единственным основанием для отказа в выдаче. Таким образом, Суд обращается к рассмотрению конкретных утверждений заявительницы, с тем чтобы установить, способны ли

предоставленные ей доказательства подтвердить наличие серьезных оснований полагать, что в случае выдачи она будет подвергнута реальному риску обращения, нарушающего статью 3.

205. Суть утверждений заявительницы в этом отношении заключается в том, что, поскольку разбирательство в отношении Аблязова было политически мотивированным, и следственные органы считают, что у нее были «доверительные отношения» с ним, она сама стала жертвой политического преследования, которое бы неизбежно привело тому, что в случае ее возвращения в Казахстан они стали бы применять к ней пытки с целью получения признательных показаний в отношении Аблязова. В этой связи она сослалась на угрозы, которые предположительно получила во время прохождения курса лечения в клинике в Казахстане, а также во время ее содержания под стражей в России; также она ссылалась на заявления ряда государственных официальных лиц Казахстана. Она также сомневалась в том, что в заключении по стражей в Казахстане ей будет обеспечена надлежащая медицинская помощь.

206. Принимая во внимание упомянутые выше решения национальных судов, а также материалы, имеющиеся в его распоряжении, Суд считает, что утверждение заявительницы об угрозах, предположительно полученных от высокопоставленных официальных лиц Казахстана во время нахождения заявительницы в клинике в Казахстане (см. пункт 11 выше) не только не имеет обоснования, но и содержит существенные противоречия. В частности, нельзя не отметить, что хотя она и заявила, что указанные лица ворвались в палату интенсивной терапии, «несмотря на возражения медицинского персонала», записи допросов врачей, которые непосредственно осуществляли надзор за ее лечением, показывают, что никто из них не знал о предполагаемом визите. Кроме того, в соответствии с записями допросов врачей, в этой клинике не было палаты интенсивной терапии (см. пункт 35 выше). Заявительница никак не прокомментировала достоверность утверждений врачей в этой связи и, по мнению Суда, эти противоречия заставляют усомниться к версии событий заявительницы.

207. В том же ключе, кроме расплывчатого заявления о том, что она предположительно получила угрозы применения соответствующих ответных мер со стороны казахстанского официального лица во время содержания под стражей в России (см. пункт 183 выше), она не предоставила никакой дополнительной информацию в этом отношении — например, в каком следственном изоляторе она содержалась, дату и обстоятельства, при которых этот разговор или разговоры имели место, или любые конкретные сведения о разговоре.

208. Что касается указания Ефимовой на заявление Назарбаева о том, что друзья Аблязова «должны ответить», произведя оценку этого

заявления в полном объеме (см. пункт 23 выше), Суд не может не заметить, что фраза относилась к бизнесмену, который был одним из тех, кто в 2002 году поставил свою подпись под письмом Назарбаеву в поддержку просьбы Аблязова о помиловании, и Суд едва ли может установить какую-либо связь между этим заявлением и заявительницей, которая никогда не утверждала, что была среди тех, кто подписал письмо или иным образом боролась за освобождение Аблязова, или что она принимала участие в какой-либо политической или оппозиционной деятельности совместно с ним. Суд также не считает, вопреки утверждению заявительницы, что тот факт, что заявительница сменила Аблязова на посту руководителя частной компании, ранее учрежденной им, можно рассматривать как указание на то, что они были коллегами по политической деятельности. Таким образом, Суд не убежден, что данное заявление Назарбаева можно рассматривать как доказательство собственного риска для заявительницы подвергнуться обращению в нарушение статьи 3 (см., для сравнения, вышеуказанное постановление по делу Клейна, пункт 54, где Суд признал, что заявление вице-президента Колумбии, сделанное конкретно в адрес заявительницы, в котором говорится, что заявительница должна «гнить в тюрьме», можно рассматривать как признак того, что заявительница подвергалась серьезному риску жестокого обращения во время содержания под стражей). Суд также не уверен, что заявление представителей ГП Казахстана во время брифинга для СМИ, касающегося уголовного разбирательства в отношении незаконного присвоения имущества БТА Банка, можно рассматривать как фактор, подкрепляющий возможность предполагаемого риска жестокого обращения в отношении заявительницы (см. пункт 22 выше).

209. Кроме того, Суд отмечает, что, как следует из доклада Freedom House, на который ссылается заявительница, неправительственная организация считает обвинения в мошенничестве, предъявленные в отношении Аблязова и бывшего руководства БТА Банка, «политически мотивированными» и имеющими «четкую политическую окраску» (см. пункт 170 выше). В то же время Суд отмечает, что ни данный доклад, ни какие-либо другие источники, предоставляемые в распоряжение Суда, не содержат никаких указаний на сообщения о жестоком обращении или пытках либо на риск такого обращения в отношении бывших сотрудников БТА — подозреваемых в мошенничестве; в отношении которых проводится разбирательство или тех, кто уже был осужден по обвинениям в мошенничестве. В данных источниках также не высказывается предположение о том, что лица, имеющие «доверительные отношения» с Аблязовым, подвергаются особому риску пыток или жестокого обращения. На этом фоне и с учетом принципов, изложенных в пункте 196 выше, Суд

не убежден, что указание на уголовное разбирательство в отношении бывшего руководства БТА как на «политически мотивированное» по выражению организации Freedom House, само по себе подкрепляет риск конкретно в отношении заявительницы подвергнуться пыткам, о чем она сама утверждает (см., для сравнения, постановление Европейского Суда от 11 декабря 2008 года по делу «Муминов против России» (*Muminov v. Russia*), жалоба № 42502/06, пункт 95, и ср. постановление Европейского Суда от 2 сентября 2010 года по делу «Y.P. и L.P. против Франции» (*Y.P. and L.P. v. France*), жалоба № 32476/06, пункты 71-72). В этой связи Суд повторяет свой последовательный подход, согласно которому право на политическое убежище не содержится ни в Конвенции, ни в Протоколах к ней (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хирси Джамаа и другие против Италии» (*Hirsi Jamaa and Others v. Italy*), жалоба № 27765/09, пункт 113, ECHR 2012, с дальнейшими ссылками).

210. Поскольку заявительница утверждала о возможности непредоставления ей необходимой медицинской помощи в местах лишения свободы в Республике Казахстан, Суд напоминает о своей устоявшейся прецедентной практике: тот факт, что в случае выдачи Договаривающимся Государством положение заявителя будет значительно ухудшено, в том числе предполагаемая продолжительность его жизни будут значительно сокращена, не является достаточным сам по себе для установления нарушения статьи 3 (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 27 октября 2011 года по делу «Ахоругезе против Швеции» (*Ahorugeze v. Sweden*), жалоба № 37075/09, пункт 88). Решение о выдаче иностранца, который страдает от серьезного психического или физического заболевания в страну, где качество медицинского обслуживания в учреждениях для лечения этой болезни уступает качеству медицинского обслуживания в учреждениях Договаривающегося Государства, может поставить вопрос о нарушении статьи 3, однако лишь в исключительном случае, когда имеются веские гуманистические основания против выдачи (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 27 мая 2008 года по делу «N. против Соединенного Королевства» (*N. v. the United Kingdom*), жалоба № 26565/05, пункт 42).

211. Суд также отметил, что обращение, которое может составить нарушение статьи 3 вследствие действия или бездействия со стороны Договаривающегося Государства, в случае высылки или выдачи может и не достичь минимального уровня жестокости, необходимого для того, чтобы подпадать под действие статьи 3 (см. постановление Европейского Суда от 10 апреля 2012 года по делу «Бабар Ахмад и другие против Соединенного Королевства» (*Babar Ahmad and Others v. the United Kingdom*, жалобы №№ 24027/07, 11949/08, 36742/08,

66911/09 и 67354/09, пункт 177). Например, неоказание Договаривающимся Государством надлежащей медицинской помощи в пределах его юрисдикции в отдельных случаях приводит к нарушению статьи 3. Однако в экстерриториальном контексте такие нарушения не так очевидно поддаются установлению (ср. отказ в оперативном и надлежащем лечении ВИЧ/СПИДа в постановлении Европейского Суда от 22 декабря 2008 года по делу «Алексанян против России» (*Aleksanyan v. Russia*), жалоба № 46468/06, пункты 145-58 и вышеуказанном постановлении Европейского Суда по делу «N. против Соединенного Королевства»).

212. В любом случае Суд указывает, что заявительница страдает диабетом II типа и страдает от сопутствующих симптомов, в том числе гипертонии. Кроме того, Суд отмечает, что заявительница не предоставила медицинских доказательств критического состояния своего здоровья, и с учетом материалов, имеющихся в его распоряжении, Суд не убежден, что в настоящий момент ее проблемы со здоровьем могут быть оценены как серьезные до такой степени, чтобы поднять вопрос о нарушении статьи 3. Таким образом, Суд полагает, что в связи с состоянием ее здоровья не имеется никаких веских гуманистических оснований против ее выдачи в Казахстан.

213. С учетом вышеизложенного, Суд не считает возможным заключить, что в ситуации заявительницы имеются какие-либо конкретные обстоятельства, которые бы обосновали ее опасения подвергнуться пыткам или жестокому обращению, или что имеются существенные основания полагать, что в случае выдачи она подвергнется в запрашивающем государстве риску обращения, противоречащего статье 3. Следовательно, Суд приходит к выводу, что выдача заявительницы в Казахстан не будет являться нарушением требований статьи 3 Конвенции.

(б) Статья 13 Конвенции

214. Учитывая вышеизложенное, Суд не усматривает необходимости в отдельном рассмотрении жалобы заявительницы по статье 13 Конвенции, которая, по сути, касается тех же доводов, что и рассмотренные в соответствии со статьей 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ВЫДАЧЕЙ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЫ В КАЗАХСТАН

215. Заявительница жаловалась, что в случае выдачи в Казахстан она столкнется с вопиющим отказом в правосудии в нарушение статьи 6 Конвенции, которая в соответствующей части предусматривает следующее:

«Каждый ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое... разбирательство дела независимым и беспристрастным ... судом, созданным на основании закона».

А. Доводы сторон

216. Заявительница утверждала, что ей может быть отказано в справедливом судебном разбирательстве в Казахстане, поскольку уголовное разбирательство в отношении руководства БТА Банка было политически мотивированным. Суды в Казахстане не были независимыми, а судьи назначались Президентом, который имел личную заинтересованность в исходе уголовного разбирательства в отношении нее. На адвокатов в Казахстане было оказано давление со стороны органов государственной власти, а национальные суды отказались допустить К., адвоката, которого она назначила для представления своих интересов в ходе уголовного судопроизводства в Республике Казахстан, к участию в уголовном деле в качестве защитника. Она также считала, что заверения властей Казахстана были не настолько убедительными, чтобы исключить риск отказа в праве на справедливое судебное разбирательство.

217. Власти утверждали со ссылкой на заверения властей Казахстана, рассмотренные национальными судами, что заявительница не будет подвергаться риску отказа в праве на справедливое судебное разбирательство в запрашивающей стране.

Б. Оценка Суда

218. Суд напоминает о своей устоявшейся прецедентной практике в отношении того, что вопрос может быть поднят исключительно в соответствии со статьей 6 по решениям о высылке или выдаче в обстоятельствах, когда ищущее убежище лицо пострадало или может пострадать от вопиющего отказа в праве на правосудие в запрашивающей стране (см. вышеуказанные постановления по делу Серинга, пункт 113; по делу Маматкулова и Аскарова, пункты 90-91, и постановление Европейского Суда по делу «Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства» (*Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom*), жалоба № 61498/08, пункт 149, ECHR 2010 (выдержки)).

219. Термин «вопиющий отказ в правосудии» считается синонимом судебного разбирательства, которое явно противоречит положениям статьи 6 или принципам, закрепленным в ней (см. вышеуказанное постановление по делу Отмана (Абу Катады), пункт 259, с дальнейшими ссылками, и вышеуказанное постановление по делу Ахоруте, пункт 114). В постановлении по делу Отмана (Абу Катады)

(*Othman (Abu Qatada)*) Суд указал некоторые формы несправедливости, которая могла бы составить вопиющий отказ в правосудии, такие как вынесение заочного приговора без возможности добиться нового рассмотрения дела по существу; судебное разбирательство, которое носит обобщённый характер и проводится с полным пренебрежением к правам на защиту; целенаправленный и систематический отказ в доступе к адвокату, в частности, для отдельного лица, содержащегося под стражей в иностранном государстве (вышеуказанное постановление, пункт 259).

220. Также Суд подчеркнул, что с его точки зрения «вопиющий отказ в правосудии» может быть установлен только после серьёзного изучения «критериев несправедливости», и его установление возможно в случаях, когда заявленные недостатки будут представлять собой больше, чем простое нарушение или отсутствие гарантий в ходе процедуры судебного разбирательства, которые могут привести к нарушению статьи 6, если произойдут на территории Договаривающегося Государства. Для этого требуется нарушение принципов справедливого судебного разбирательства, гарантированного статьёй 6, которые являются настолько фундаментальными, что их нарушение равносильно признанию недействительной или разрушению самой сути права, гарантированного в этой статье. Суд также постановил, что при оценке результатов испытания он применяет тот же стандарт и бремя доказывания, что и при рассмотрении дел по высылке, в которых имеет место нарушение статьи 3, при этом именно заявительница должна предоставить доказательства, дающие серьезные основания полагать, что в случае возвращения в Договаривающееся Государство заявительница подвергнется реальному риску вопиющего отказа в правосудии. В случае представления таких доказательств Власти должны рассеять любые сомнения в этой связи (см. вышеуказанные постановления по делам Отмана и Ахорутезе, пункты 260-61 и пункты 115-16, соответственно).

221. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд не убежден в том, что описанные выше серьезные критерии были соблюдены в настоящем деле.

222. Суд принимает к сведению тот факт, что в докладе Freedom House, на который ссылается заявительница, видимо, подтверждаются ее утверждения, касающиеся общей обеспокоенности по поводу независимости казахстанской судебной системы, и утверждается, что разбирательство в отношении бывшего руководства БТА имеет политическую окраску. Однако в виду конкретного положения бывших менеджеров БТА, которые уже были осуждены по обвинению в мошенничестве, в разбирательстве содержится общее утверждение о том, что «достоверность обвинений и доказательств, представленных в

суде, оставалась сомнительной» (см. пункт 170 выше). Кроме того в докладе отсутствуют указания на какие-либо недостатки во время какого-либо из этапов судебного разбирательства, которые были бы сопоставимы с нарушениями которые могли бы составить вопиющий отказ в правосудии, в том смысле, как это было определено в изложенной прецедентной практике Суда (см., в частности, пункт 219 выше).

223. Кроме того, Суд отмечает, что единственным конкретным доводом, выдвинутым заявителем в подтверждение опасения столкнуться с вопиющим отказом в праве на справедливое судебное разбирательство в Казахстане, являлся отказ судов Казахстана допустить ее адвоката К. к уголовному судопроизводству в отношении заявительницы для представления ее интересов. Тем не менее, имеющиеся в распоряжении Суда материалы указывают на то, что в неустановленный день в 2009 году следственные органы Казахстана выделили в отдельное производство уголовное дело по обвинениям в мошенничестве в отношении ряда бывших сотрудников БТА Банка (дело № 0951701710002) и направили его на рассмотрение в Алматинской районный суд; в то же время обвинения против заявительницы оставались зафиксированными в уголовном деле № 095751701710001, которое, очевидно, до сих пор не передано в суд (см. пункт 20 выше). Соответственно, Суд не может признать необоснованным отказ районного суда допустить К. к участию в процессе в качестве представителя заявительницы в разбирательстве по первому делу, в котором заявительница не выступает в качестве стороны (см. пункт 21 выше); кроме того, Суд не убежден, что в противном случае можно было бы заключить, что заявительница столкнется с вопиющим отказом в праве на справедливое судебное разбирательство.

224. Аналогичным образом Суд полагает, что в остальной части утверждения заявительницы по этому вопросу носят слишком общий и расплывчатый характер и что ни одно из утверждений не подтверждает опасение того, что она столкнется с вопиющим отказом в праве на справедливое судебное разбирательство в случае выдачи в Казахстан (см., для сравнения, вышеуказанное постановление по делу Отмана (Абу Катады), пункт 285).

225. В свете данных выводов Суд не считает необходимым оценивать заверения властей Казахстана о судебном разбирательстве в отношении заявительницы в Казахстане.

226. В целом, с учетом вышесказанного, Суд не убежден, что заявительница в данном случае предоставила доказательства, дающие серьезные основания полагать, что в случае выдачи в Казахстан заявительница подвергнется реальному риску вопиющего отказа в праве на справедливое судебное разбирательство.

227. Следовательно, Суд отклоняет данную жалобу как явно необоснованную согласно подпункту (а) пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ЧАСТИ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ, ПРЕДОСТАВЛЯВШЕЙСЯ ЗАЯВИТЕЛЬНИЦЕ В ЗАКЛЮЧЕНИИ

228. Заявительница утверждала в жалобе о нарушении статьи 3 в связи с тем, что российские власти не предоставили ей надлежащую медицинскую помощь в заключении. Она ссылаясь на статью 3 Конвенции, текст которой был приведен выше.

А. Доводы сторон

1. Власти

229. Власти утверждали, что по прибытии в следственный изолятор заявительница прошла все необходимые обследования и была помещена под постоянное наблюдение медицинской части. 31 июля 2009 года она была направлена в больницу следственного изолятора на стационарное лечение, которое продолжалось до 26 августа того же года. Там, после обследования специалистами и сдачи клинических анализов она получила консервативное лечение, которое дало положительные результаты и позволило стабилизировать состояние ее здоровья. При выписке состояние ее здоровья оценивалось как удовлетворительное, ей были даны рекомендации по последующему уходу в следственном изоляторе, где она оставалась под постоянным контролем медицинской части и получала рекомендованную ей поддерживающую терапию. В соответствии с планом лечения с 14 по 22 октября 2009 года заявительница была вновь направлена в больницу следственного изолятора на стационарное обследование и лечение. В программу ее лечения были внесены необходимые изменения с учетом состояния ее здоровья, и она была выписана из больницы в удовлетворительном состоянии.

230. 3 марта 2010 года заявительница была осмотрена офтальмологом и невропатологом из государственной больницы, а с 1 по 15 апреля 2010 года она прошла курс стационарного лечения, там же, в государственной больнице, состояние ее здоровья после выписки из больницы оценивалось как удовлетворительное, лечение, по оценкам специалистов, дало положительные клинические результаты. Впоследствии, вплоть до ее освобождения из-под стражи, состояние ее здоровья находилось под пристальным наблюдением врачей следственного изолятора.

231. Таким образом, Власти утверждают, что в течение всего срока ее содержания под стражей заявительница получала медицинскую помощь, необходимую при ее состоянии здоровья. В Медицинских частях следственного изолятора и больницы был необходимый персонал и обеспечивались необходимыми медицинскими препаратами. Состояние ее здоровья оценивалось как удовлетворительное, и не было никаких признаков того, что она не может содержаться под стражей в рассматриваемый период времени.

2. Заявительница

232. Заявительница утверждала, что содержание под стражей поставила под угрозу ее жизнь и здоровье. Она утверждала, что до заключения под стражу она прошла реабилитационное лечение в частной клинике в Казахстане, в которое входили сеансы в барокамере, массаж всего тела, иглоукалывание, прижигание нервных окончаний как в традиционной восточной медицине. Согласно ее утверждению такое лечение должно было предоставляться ей каждые шесть месяцев, в том числе в период нахождения под стражей. Ее состояние также требовало регулярных проверок уровня сахара и артериального давления, а также постоянного наблюдения у невропатолога, эндокринолога, офтальмолога и диетолога.

233. Заявительница также утверждала, что медицинская помощь, оказанная ей в заключении, была поверхностной и что состояние ее здоровья серьезно ухудшилось, о чем можно судить из письма представителей следственного изолятора от 28 мая 2010 года. Ей не была предоставлена достаточная информация о ее лечении, а ее лекарства изымались властями следственного изолятора. Кроме того, ей не была предложена срочная консультация офтальмолога, не делались инъекций в глаз, она не была помещена в офтальмологическую клинику, несмотря на то, что нуждалась в срочной операции на глаз. В следственном изоляторе не было глазных капель, которые ей назначил офтальмолог, условия ее транспортировки в следственный изолятор 26 августа 2009 года были бесчеловечными и унижающими достоинство, равно как и условия, в которых она проходила курс стационарного лечения в период с 1 по 14 апреля 2010 года.

Б. Оценка Суда

234. Суд напоминает, что в соответствии с устоявшейся прецедентной практикой государство должно принимать меры к тому, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, которые совместимы с уважением к человеческому достоинству, чтобы формы и методы реализации этой меры не причиняли ему лишения и страдания

большие, чем неизбежно при лишении свободы, и чтобы его здоровье и благополучие (с учетом практических требований режима лишения свободы) обеспечивались надлежащим образом (см. постановление Большой Палаты по делу «Кудла против Польши» (*Kudła v. Poland*), жалоба № 30210/96, пункты 92-94, ECHR 2000-XI, и постановление Европейского Суда от 13 июля 2006 года по делу «Попов против России» (*Popov v. Russia*), жалоба № 26853/04, пункт 208).

235. Хотя в соответствии с последовательным подходом Суда статья 3 не может быть истолкована как устанавливающая общее обязательство по освобождению задержанных по состоянию здоровья, он всегда толковал требование обеспечения их здоровья и благополучия, среди прочего, как обязательство со стороны государства по предоставлению им необходимой медицинской помощи (см. постановление Европейского Суда по делу «Муизель против Франции» (*Mouisel v. France*), жалоба № 67263/01, пункт 40, ECHR 2002-IX; вышеуказанное постановление по делу Кудла, пункт 94, и постановление Европейского Суда по делу «Худобин против России» (*Khudobin v. Russia*), жалоба № 59696/00, пункт 93, ECHR 2006-XII (выдержки)).

236. Суд принимает во внимание, что вопрос о «надлежащем характере» медицинского лечения остается самым сложным элементом для определения (см. постановление Европейского Суда от 30 сентября 2011 года по делу «Пахомов против России» (*Pakhomov v. Russia*), жалоба № 44917/08, пункт 62) и что конкретные обстоятельства в каждом деле неизбежно являются разными. Тем не менее, принимая во внимание свою практику по этому вопросу, Суд отмечает, что при оценке аналогичных жалоб он изучал, обеспечили ли власти заключенным своевременные и точные диагноз и медицинский уход (см., среди других прецедентов, вышеуказанное постановление по делу Попова, пункт 211; постановления Европейского Суда от 29 ноября 2007 года по делу «Гумматов против Азербайджана» (*Hummatov v. Azerbaijan*), жалобы №№ 9852/03 и 13413/04, пункт 115; от 7 февраля 2008 года по делу «Меченков против России» (*Mechenkov v. Russia*), жалоба № 35421/05, пункт 102; и от 14 октября 2010 года по делу «А.В. против России» (*A.B. v. Russia*), жалоба № 1439/06, пункт 128), а также вопрос о том, осуществлялось ли наблюдение, в случае если оно было обусловлено характером заболевания, на регулярной и систематичной основе, с применением комплексной терапевтической стратегии, направленной на надлежащее оказание медицинской помощи заключенным или на предотвращение обострения проблем со здоровьем (см., среди прочего, постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу «Питалев против России» (*Pitalev v. Russia*), жалоба № 34393/03, пункт 54; вышеуказанное постановление по делу Гумматова, пункт 109; и постановление Европейского Суда от

10 января 2012 года по делу «Владимир Васильев против России» (*Vladimir Vasilyev v. Russia*), жалоба № 28370/05, пункт 58).

237. Европейский Суд подтверждает, что, в целом, он оставляет за собой возможность достаточно гибкого определения обязательного стандарта медицинского обслуживания, решая этот вопрос в каждом случае отдельно. Этот стандарт должен быть совместим с «человеческим достоинством» содержащегося под стражей лица, но также Суд должен принимать во внимание «практические требования заключения под стражей» (см. вышеуказанные постановления Европейского Суда по делам Александяна, Пахомова и Владимира Васильева, пункты 140, 63 и 59, соответственно).

238. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает прежде всего, что сторонами не оспаривался вопрос о том, что заявительница до заключения под стражу имела ряд проблем со здоровьем, в том числе диабет и гипертонию.

239. Кроме того, Суд отмечает, что при поступлении в следственный изолятор заявительница была осмотрена врачами следственного изолятора, которые занесли сведения о проблемах со здоровьем в ее медицинскую карту и взяли у нее ряд анализов (см. пункты 75-77 выше). Вскоре после этого заявительница была направлена в больницу следственного изолятора на прохождение стационарного лечения; во время своего содержания под стражу она три раза проходила курс стационарного лечения в специализированных медицинских учреждениях — два раза в тюремной больнице и один раз в государственной больнице (см. пункты 78, 90 и 104 выше).

240. Согласно медицинской карте заявительницы, находясь в больнице она была обследована врачами-специалистами, в том числе невропатологом и эндокринологом, и после сдачи полных клинических анализов ей был назначен курс лечения гипогликемическими препаратами (на основе метформина) для лечения диабета, а также назначены гипотензивные, спазмолитические, сосудорасширяющие и ноотропные препараты и инъекции от гипертонии и сопутствующих состояний (см. пункты 78-84, 90-94 и 104-08 выше). Назначенное лечение заявительница получила в полном объеме. Эта стратегия лечения не только соответствовала рекомендациям, данным врачами, которые осматривали заявительницы до ее заключения под стражу, но и даже превышала пределы рекомендованного лечения (см. пункты 59 и 60 выше). Кроме того, медицинские документы, имеющиеся в распоряжении Суда, указывают на то, что терапевтическая стратегия, избранная медицинским персоналом пенитенциарных учреждений, дала положительные клинические результаты и, в отсутствие доказательств обратного, Суд не находит оснований ставить под сомнение эти выводы.

241. Из полученных медицинских показаний очевидно, что находясь в следственном изоляторе заявительница продолжала принимать гипогликемические, гипотензивные, спазмолитические, сосудорасширяющие и ноотропные препараты, требуемые для ее состояния, под наблюдением медицинского персонала, и что ей было разрешено принимать лекарства (и она их принимала), которые ей приносили ее адвокаты (см. пункты 88, 96, 97, 99, 102 и 110 выше). Утверждение заявительницы о том, что некоторые из лекарств изымались у нее, осталось неподкрепленным. Также согласно медицинской карте заявительницы, у заявительницы регулярно проверяли уровень сахара в крови и артериальное давление, и она могла самостоятельно сделать это при помощи персонального глюкометра и тонометра (см. пункты 76, 77, 88, 96, 97 и 102 выше).

242. Что касается утверждений заявительницы относительно отсутствия такого альтернативного лечения, как иглоукалывание и прижигание нервных окончаний, как в восточной медицине, Суд отмечает, что не было представлено никаких доказательств того, что альтернативное лечение являлось медицинской необходимостью.

243. В отношении жалоб заявительницы на лечение проблемы со зрением Суд считает, что она не представила никаких доказательств, таких как независимые медицинские заключения, которые бы подтвердили ее утверждение о том, что она нуждается в срочной операции на глаз или в инъекциях в глаз (ср. постановление Европейского Суда от 30 июля 2009 года по делу «Питалев против России» (*Pitalev v. Russia*), жалоба № 34393/03, пункт 55). Суд также не упускает из виду того факта, что медицинские документы, относящиеся к ее обследованию после освобождения из-под стражи, также не указывают на наличие такой необходимости (см. пункт 122 выше).

244. Имея серьезные сомнения в том, что заявительница сообщала представителям медицинской части следственного изолятора или больницы следственного изолятора о своих проблемах со зрением до декабря 2009 года (см. пункты 68 и 120 выше), Суд, тем не менее считает, что самое позднее к 18 декабря 2009 года власти должны были уже знать о ее жалобах в этом отношении (см. пункт 68 выше). Суд принимает во внимание, что власти тогда предложили заявительнице пройти обследование у офтальмолога в тюремной больнице и что она отклонила предложение по причинам, которые Суд не может принять в качестве убедительных (см. пункт 98 выше). В этой связи он напомнил, что государство имеет достаточную степень усмотрения в определении способа выполнения своих обязательств по предоставлению задержанным необходимой медицинской помощи, он также признает, что, выбирая соответствующее медицинское учреждение, власти должны принимать во внимание «практические

требования режима лишения свободы» при условии, что стандарт оказания выбранной медицинской помощи «совместим с человеческим достоинством задержанного» (см. постановление Европейского Суда от 5 апреля 2011 года по делу «Васюков против России» (*Vasyukov v. Russia*), жалоба № 2974/05, пункт 79; и вышеуказанное постановление по делу Алексаняна, пункт 140). Суд не может найти никаких указаний на то, что выбор властями медицинского учреждения для обследования заявительницы офтальмологом был несовместим с требуемым стандартом оказания медицинской помощи.

245. Кроме того, Суд отмечает, что в связи с отказом заявительницы в госпитализации власти обеспечили для нее консультацию офтальмолога в государственной больнице № 72 и позже, когда она лежала в больнице № 20. Офтальмологи прописывали ей глазные капли, лекарственные препараты и витамины группы В, никто из них не указывал на необходимость проведения срочной операции или оказания другого рода чрезвычайной помощи (см. пункты 101, 106 и 119 выше). Согласно медицинской карте заявительницы она получила это лечение в государственной больнице № 20. Хотя врач следственного изолятора признал, что до госпитализации он не капал заявительнице таурин, ничто не указывает на то, что заявительница, которой было разрешено принимать свои собственные лекарственные средства, не могла получить глазные капли через своих адвокатов.

246. Что касается перевода заявительницы из больницы следственного изолятора в следственный изолятор 26 августа 2009 года, Суд отмечает, что ранее устанавливал нарушение статьи 3 в связи с тем, что больная после операции доставлялась в стандартном тюремном фургоне в неподходящих условиях (см. постановление Европейского Суда по делу «Тарариева против России» (*Tarariyeva v. Russia*), жалоба № 4353/03, пункты 112-17, ECHR 2006-XV (выдержки)). Однако настоящее дело обстоит иначе. В медицинской карте заявительницы за 24 августа 2009 года указывается, что она прошла лечение от гипертензии, ее состояние стабилизировалось и что врачи оценивали ее состояние как пригодное для транспортировки (см. пункт 85 выше). Суд не видит оснований подвергать сомнению эти выводы и считает, что остальные утверждения заявительницы в этом отношении являются умозрительными.

247. Принимая во внимание вышеуказанное, Суд считает, что заявительница не представила достаточных и убедительных доводов или доказательств наличия серьезных упущений со стороны национальных властей в предоставлении ей медицинской помощи в заключении. Соответственно, Суд отклоняет жалобу заявительницы как явно необоснованную согласно подпункту (а) пункта 3 и пункту 4 статьи 35 Конвенции.

248. Наконец, что касается предположительно бесчеловечных условий, в которых заявительница получала лечение в больнице № 20 в период между 1 и 14 апреля 2010 года, Суд отмечает, что она впервые подняла эту жалобу в своих замечаниях от 21 апреля 2011 года. Таким образом, в данной части жалоба должна быть признана неприемлемой в связи с несоблюдением правила шести месяцев, закрепленного в пунктах 1 и 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

249. Заявительница жаловалась на то, что ее содержание под стражей в ожидании выдачи было незаконным. Она ссылаясь на пункт 1 статьи 5 Конвенции, соответствующая часть которого гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: ...

(f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче».

A. Доводы сторон

250. Заявительница утверждала, что ее содержание под стражей с 3 июля 2009 года по 3 июля 2010 года было незаконным. В частности, в отношении решения о заключении под стражу от 3 июля 2009 года она утверждала, что находилась в той же ситуации, что и заявитель в деле «Джураев против России» (*Dzhurayev v. Russia*) (жалоба № 38124/07, 17 декабря 2009 года); что решение о заключении под стражу не было вынесено судом и не было установлено срока для ее содержания под стражей. Даже если предположить, что оно было законным, в соответствии со статьей 109 УПК РФ, санкционированный судом срок содержания заявительницы под стражей должен был истечь 3 сентября 2009 года, хотя национальные суды продлили срок содержания заявительницы в первый раз 18 ноября 2009 года. По мнению заявительницы, в тот же день суд первой инстанции фактически задним числом утвердил предшествующий период содержания под стражей. Кроме того, применимые положения УПК РФ не соответствовали требованиям Конвенции относительно «качества закона», поскольку не были ни точными, ни предсказуемыми.

251. Заявительница также утверждала, что ее содержание под стражей в период с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года также было незаконным, поскольку соответствующие решения суда первой

инстанции о продлении срока ее содержания под стражей не вступили в силу, а кассационный суд оставил без изменения решения о заключении под стражу от 18 ноября 2009, 1 февраля и 1 апреля 2010 года после истечения срока ее содержания под стражей, санкционированного этими решениями. Наконец, заявительница утверждала, что российские власти не проявили должного усердия при проверке вопроса о выдаче в течение первых девяти месяцев до вынесения решения о выдаче.

252. Власти утверждали, что в соответствии с частью 2 статьи 466 УПК РФ транспортная прокуратура должным образом вынесла решение о заключении заявительницы под стражу 16 июля 2009 года, с учетом полученного требования от властей Казахстана о ее выдаче и порядка вынесения решения судебным органом иностранного государства о содержании ее под стражей. Они также отметили, что Президиум Верховного Суда, в ряде решений, вынесенных в 2004 и 2005 годах, высказал мнение, что статья 109 УПК РФ не применима к содержанию под стражей в ожидании выдачи. Однако, после принятия Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 ГП России в информационном письме дала указания своим территориальным подразделениям о процедуре содержания под стражей лиц в ожидании выдачи. Следовательно, прокуроры всех уровней строго следовали установленным правилам в соответствии с толкованием их Верховным Судом. Максимальный срок содержания заявительницы под стражей истек 3 июля 2010 года, она была освобождена из-под стражи по решению транспортной прокуратуры.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

253. Суд считает, что данная жалоба не является явно необоснованной по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что она не является неприемлемой по каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалоб

(а) Общие принципы

254. Суд отмечает, что у сторон была общая позиция на то, что заявительница была заключена под стражу с целью выдачи из России в Казахстан. Таким образом, подпункт (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции применим в данном деле. Данное положение не требует, чтобы содержание под стражей лица, в отношении которого

предпринимаются действия с целью его выдачи, считалось объективно необходимым, к примеру, для предотвращения совершения этим лицом преступления или побега. В этой связи, подпункт (f) пункта 1 статьи 5 предусматривает другой уровень защиты в отличие от подпункта (c) пункта 1 статьи 5: все, что требуется в соответствии с подпунктом (f), это чтобы предпринимались «меры по его высылке или выдаче». Следовательно, в целях подпункта (f) пункта 1 статьи 5 является несущественным, может ли исходное решение о выдворении быть обосновано в соответствии с национальным законодательством или Конвенцией (см. постановление Европейского Суда по делу «Чонка против Бельгии» (*Çonka v. Belgium*), жалоба № 51564/99, пункт 38, ECHR 2002-I, и вышеуказанное постановление по делу Чахала, пункт 112).

255. Однако, Суд вновь напоминает, что в его полномочия входит оценка «законности» содержания заявительницы под стражей в целях пункта 1 статьи 5 Конвенции, с особым вниманием к гарантиям, предусмотренным национальной системой. В тех случаях, когда возникает вопрос о «законности» заключения под стражу, включая вопрос о соблюдении «порядка, установленного законом», Конвенция отсылает, главным образом, к национальному законодательству и закрепляет обязанность по соблюдению его материально-правовых и процессуальных норм, но, кроме того, она требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели статьи 5, а именно защите физических лиц от произвола (см. постановление Европейского Суда от 25 июня 1996 года по делу «Амюур против Франции» (*Amuur v. France*), пункт 50, Сборник постановлений и решений 1996-III; и постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 года по делу «Насруллоев против России» (*Nasrulloev v. Russia*), жалоба № 656/06, пункт 70).

256. Следовательно, Суд должен установить, соответствует ли Конвенции само внутригосударственное право, включая изложенные или подразумеваемые в ней общие принципы. В связи с данным вопросом Суд акцентирует внимание, что в случаях лишения свободы особенно важно соблюдение общего принципа юридической определенности. Устанавливая, что любое лишение свободы должно быть эффективным «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом», пункт 1 статьи 5 не просто отсылает к национальному законодательству, как и выражения «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом», закрепленные во вторых пунктах статей 8 и 11, он также относится к «качеству закона», требуя, чтобы закон был совместим с принципом верховенства права, понятием, присущим всем статьям Конвенции. «Качество закона» в этом смысле подразумевает, что когда национальное право санкционирует лишение свободы, оно должно быть сформулировано достаточно доступно,

точно и предсказуемо, чтобы избежать риска произвольного применения (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда от 11 октября 2007 года по делу Насруллоева (*Nasrulloev*), пункт 71, с дальнейшими ссылками).

257. Наконец, Суд напоминает, что ограничение свободы в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 может быть приемлемо только в ходе осуществления разбирательства по вопросу выдачи. Если такие действия не осуществляются с должным вниманием, содержание под стражей прекращает являться разрешенным в соответствии с подпунктом (f) пункта 1 статьи 5 (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. the United Kingdom*), жалоба № 13229/03, пункты 72-74, ECHR 2008).

(б) Применение данных принципов к настоящему делу

258. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд считает, что утверждения заявительницы со ссылкой на пункт 1 статьи 5 относятся к определенным периодам времени: с 3 июля по 18 ноября 2009 года и с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года, когда она была освобождена из-под стражи. Она также утверждает, что российские власти не проявили должного усердия в течение первых девяти месяцев ее содержания под стражей. И, соответственно, Суд будет оценивать данные жалобы на основании доводов заявительницы.

(i) Вопрос о законности содержания заявительницы под стражей с 3 июля по 18 ноября 2009 года

259. Возвращаясь к сроку содержания под стражей, Суд отмечает, что прокурор, заключая заявительницу под стражу после получения требования о выдаче и решения судебного органа иностранного государства о заключении под стражу, (в соответствии с постановлением транспортной прокуратуры от 16 июля 2009 года), руководствовался частью 2 статьи 466 УПК РФ.

260. Однако Суд считает, что к 16 июля 2009 года заявительница уже находилась под стражей с 3 июля 2009 года на основании постановления прокурора от той же даты, которое не содержало каких-либо ссылок на часть 2 статьи 466 УПК РФ, а ссылалось только на статью 61 Минской конвенции (см. пункты 123-124 выше). Постановление о заключении под стражу от 3 июля 2009 года не содержало ссылок на часть 2 статьи 466 УПК РФ, поскольку это положение закона, как следует из его формулировки, могло быть применимо только с момента получения требования о выдаче, которое в случае заявительницы было получено лишь 8 июля 2009 года (см. пункты 158 и 33 соответственно).

261. Кроме того, хотя постановление от 3 июля 2009 года ссылалось на статью 61 Минской конвенции, данное положение не устанавливает каких-либо процессуальных правил при помещении лица под стражу до получения требования о его выдаче. Оно отсылает к национальному праву, утверждая, что запрашивающая сторона должна применять нормы своего внутригосударственного законодательства при выполнении запроса об оказании юридической помощи, включая специальное ходатайство о взятии под стражу до получения требования о выдаче, упомянутого в статье 61 (см. пункты 150 и 151 выше). Соответственно, статья 61 Минской конвенции может служить правовым основанием для заключения под стражу только в совокупности с соответствующими внутренними правовыми положениями, устанавливающими основания и порядок вынесения решения о заключении под стражу, а также применимые сроки (см. определение Конституционного Суда, упомянутое в пункте 160 выше). Тем не менее, ни прокурор в своем решении, ни Власти не ссылались на какое-либо положение во внутреннем законодательстве, которое бы разрешило прокурору вынести постановление о заключении заявительницы под стражу до получения требования о выдаче. Соответственно, в период с 3 по 8 июля 2009 года заявительница находилась в правовом вакууме, который не регулировался никаким внутренним правовым положением, которое бы четко устанавливало основания для ее содержания под стражей, а также порядок и сроки, применимые к содержанию под стражей до получения требования о выдаче.

262. Кроме того, судя по всему, с момента получения требования о выдаче, 8 июля 2009 года, содержание заявительницы под стражей регулировалось частью 2 статьи 466 УПК РФ. Тем не менее, это положение не устанавливает процедуру вынесения решения о заключении под стражу или продлении содержания под стражей лица, в отношении которого требуется выдача. Также это положение не устанавливает срока содержания под стражей в ожидании выдачи. Суд также отмечает, что в решении от 19 марта 2009 года в отношении конкретно части 2 статьи 466 Конституционный Суд, установив, что данное положение не нарушило конституционных прав лица в связи с тем, что не установило каких-либо оснований или процедуры вынесения решения о заключении под стражу в ожидании выдачи либо срока такого содержания под стражу, не разъяснил, какие правовые положения регулировали эту процедуру и какие сроки должны были применяться в случаях, предусмотренных частью 2 статьи 466 (см. пункт 162 выше). Соответственно, Суд не может не отметить отсутствие каких-либо точных положений во внутреннем законодательстве, которые позволили бы определить, при каких условиях, в течение какого срока и прокурором какого иерархического

уровня и территориальной принадлежности должен быть рассмотрен вопрос о заключении под стражу после получения требования о выдаче.

263. Неоднозначность толкования части 2 статьи 466 далее иллюстрируется тем, что, несмотря на то, что требование о выдаче было получено 8 июля 2009 года, лишь 16 июля 2009 года, то есть спустя восемь дней, прокурор вынес постановление о заключении заявительницы под стражу на основании части 2 статьи 466 УПК РФ. В течение всего этого периода заявительница ничего не знала об основаниях для задержания и сроках ее содержания под стражей. Кроме того, постановление от 16 июля 2009 само по себе не ссылалось на какое-либо правовое положение во внутригосударственном законодательстве, будь то одно из положений Главы 13 УПК РФ или иное положение, тем самым подтверждая компетенцию данного прокурора на вынесение постановления о заключении заявительницы под стражу. Кроме того, решение не устанавливало срока содержания заявительницы под стражей и не делало ссылку на какое-либо положение во внутригосударственном законодательстве, на основании которого регулировался бы этот срок. Ответ прокурора на жалобу заявительницы, в которой он утверждал, что ее содержание под стражей на основании решения от 16 июля 2009 года, вынесенного в соответствии с частью 2 статьи 466 УПК РФ, должно было с того момента регулироваться Уголовно-процессуальным кодексом Казахстана (см. пункт 129 выше), является еще одним свидетельством неясной ситуации в отношении применения вышеупомянутого положения тем же органом, который применял его и в деле заявительницы.

264. Кроме того, Суд не убежден доводом Властей о Постановлении № 22, поскольку к моменту его принятия 29 октября 2009 года заявительница уже более чем 3 месяца находилась в правовом вакууме с точки зрения процедуры и сроков ее содержания под стражей. Кроме того, Суд отмечает, что данная ситуация продолжалась до 18 ноября 2009 года, когда Мещанский районный суд вынес первое постановление о заключении заявительницы под стражу. Даже предположив, что Постановление № 22 содержало определенные разъяснения, которые могли иметь значение в деле заявительницы (см. пункт 164 выше), Суд не убежден в том, что они смогли исправить положение заявительницы в обстоятельствах, имеющих место в данной жалобе. В этой связи Суд также не упускает из виду того, что в Постановлении № 22, очевидно, предполагалось, что поскольку прокурор был вправе заключать лицо под стражу в соответствии с частью 2 статьи 466 на период в 2 месяца, после истечения этого срока дальнейшее содержание под стражей или продление этого срока

требовало санкций суда (см. там же), в деле заявительницы это не имело место.

265. Отсюда следует, что содержание заявительницы под стражей с 8 июля по 18 ноября 2009 года было основано на правовом положении, а именно на части 2 статьи 466 УПК РФ, которое, в связи с отсутствием четких процессуальных правил, не было ни точным, ни предсказуемым.

266. Кроме того, Суд отметил, что в недавно принятом постановлении от 14 июня 2012 года Верховный Суд дал официальное толкование российским правовым положениям, применимым к содержанию под стражей в ожидании выдачи, в том числе содержанию под стражей до и непосредственно после получения требования о выдаче (см. пункт 165 выше). Тем не менее, это постановление было принято вскоре после освобождения заявительницы, и, следовательно, не может изменить того, что во время содержания заявительницы под стражей и в течение значительного периода времени, в течение которого вопрос находился на рассмотрении Судом, российские правовые положения не были ни точными, ни предсказуемыми в своем применении. Более того, из постановления от 14 июня 2012 года усматривается, что содержание заявительницы под стражей не только должно было быть продлено российским судом, а не прокурором, но и изначально соответствующее решение должно было быть вынесено именно российским судом (см. там же).

267. С учетом вышеуказанного, Суд приходит к выводу, что в период с 3 июля по 18 ноября 2009 года заявительница содержалась под стражей без юридических оснований на это и в отсутствие четких правил, которые бы регулировали эту ситуацию, что несовместимо с принципами правовой определенности и защиты от произвола — общими принципами, скрепляющими все положения Конвенции и верховенство права (см. с соответствующими изменениями, *постановление Европейского Суда от 15 января 2009 года по делу «Юдаев против России» (Yudayev v. Russia)*, жалоба № 40258/03, пункт 59; и постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, пункт 56, ECHR 2000-III). Лишение свободы, которому подверглась заявительница в течение этого периода, не ограничивалось адекватными гарантиями защиты от произвола. В российском законе в момент рассматриваемых событий отсутствовал стандарт «качество закона», соблюдения которого требует Конвенция. Национальная система не защитила заявительницу от произвольного задержания, и по этой причине содержание его под стражей не может считаться «законным» по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции.

(ii) *Вопрос о законности содержания заявительницы под стражей с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года*

268. Переходя к вопросу законности содержания заявительницы под стражей в период с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года, Суд отмечает, что в сравнении с ранее рассмотренными им делами против России (см., среди прочего, вышеуказанное постановление по делу Джураева, пункт 68) содержание заявительницы под стражей продлевалось российским судом (см. пункты 135, 138 и 141 выше). В постановлениях о продлении срока содержания под стражей указывался конкретный срок, в соответствии с требованиями статьи 109 УПК РФ, который был применен в контексте содержания под стражей в делах по вопросам выдачи после вынесения Верховным Судом в 2009 году Постановления № 22 (см. пункт 64 выше). Суд также отмечает, что преступления, в которых заявительнице было предъявлено обвинение в Казахстане, были квалифицированы как «тяжкие» в соответствии с российским законодательством, на основании чего ее содержание под стражей было продлено до двенадцати месяцев в соответствии с частью 3 статьи 109 УПК РФ (см. пункт 155 выше), и что после истечения этого срока она была освобождена. Законность содержания заявительницы под стражей неоднократно пересматривалась и подтверждалась судом кассационной инстанции.

269. Поскольку заявительница указывала, что в ходе пересмотра вопроса о ее содержании под стражей судом кассационной инстанции, которое вдобавок проходило слишком медленно, имелись недостатки, Суд рассмотрит эти замечания заявительницы в соответствии с пунктом 4 статьи 5 ниже.

270. Кроме того, Суд считает, что заявительница не представила ни ему, ни национальным судам какие-либо веские доводы, на основании которых можно полагать, что ее содержание под стражей в течение вышеуказанного периода времени составляло нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. Суд также не считает, что национальные суды действовали недобросовестно, что они не применили надлежащим образом соответствующие положения законодательства или что содержание заявительницы под стражей в течение соответствующего периода времени было по иным основаниям незаконным или произвольным (см. вышеуказанное постановление по делу «Кожаев против России», пункты 107-108; постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу «Ходжамбердиев против России» (*Khodzhamberdiyev v. Russia*), жалоба № 64809/10, пункт 94; вышеуказанное постановление по делу Шакурова, пункт 160; и постановление Европейского Суда от 3 июля 2012 года по делу «Рустамов против России» (*Rustamov v. Russia*), жалоба № 11209/10, пункт 154).

(iii) Предполагаемое отсутствие должного внимания со стороны властей к проведению разбирательства по вопросу выдачи с 3 июля 2009 года по 21 апреля 2010 года

271. Суд в самом начале отмечает, что заявительница жаловалась на отсутствие должного усердия со стороны властей при осуществлении процедур выдачи в течение определенного периода времени, о котором идет речь, и он, соответственно, рассмотрит этот вопрос исходя из замечаний заявительницы.

272. Ссылаясь на соответствующие принципы, установленные в пункте 257 выше, Суд указывает, что в период между 3 июля 2009 года, когда она была задержана, и 21 апреля 2010 года, когда было вынесено решение о ее выдаче (см. пункт 38 выше), разбирательство по вопросу выдачи еще не было закончено. В течение этого периода времени ГП России получила от своих казахстанских коллег запрос о выдаче, а также несколько писем, содержащих заверения властей Казахстана; она также была проинформирована о результатах оперативной проверки, проводимой ими в отношении утверждений заявительницы, касающихся предполагаемого инцидента, произошедшего 23 февраля 2009 года. Кроме того отмечается, что в течение соответствующего периода времени ГП России была запрошена и получена информация от Министерства иностранных дел Российской Федерации, в соответствии с которой для выдачи заявительницы не было никаких препятствий. Кроме того, в рассматриваемый период времени разбирательство по вопросу предоставления убежища, инициированное заявителем, все еще не было закончено. В ходе этого разбирательства УФМС по Москве отклонила ходатайство заявительницы о предоставлении статуса беженца, и заявительница возбудила разбирательство, оспаривая это решение в судах.

273. Принимая во внимание, что результаты разбирательства по вопросу предоставления убежища могут иметь решающее значение для вопроса о выдаче заявительницы (см. вышеуказанное постановление по делу Чахала, пункт 115, и вышеуказанное постановление по делу Рустамова, пункт 165), и не установив конкретных задержек в ходе данного разбирательства, ответственность за которые может быть возложена на властей, а также с учетом шагов, предпринятых российскими властями в ходе разбирательства по вопросу выдачи, Суд считает, что власти уделяли должное внимание вопросу в период с 3 июля 2009 года по 21 апреля 2010 года, в отношении которого у заявительницы были претензии.

(iv) Выводы

274. Суд считает, что содержание заявительницы под стражей в период с 3 июля по 18 ноября 2009 года имело под собой правовые

положения, не соответствующие требованию «качества закона», гарантированному Конвенцией. Следовательно, в отношении данного периода имело место нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5.

275. Кроме того, Суд считает, что в отношении законности содержания заявительницы под стражей в период с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года или в отношении предполагаемого отсутствия надлежащего усердия российских властей при проведении разбирательств по вопросу выдачи, которые имели место происходило с 3 июля 2009 года по 21 апреля 2010 года, нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 не имеется.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

276. Заявительница утверждала, что была лишена возможности судебного пересмотра решения о ее заключении под стражу в ожидании выдачи, что ее жалобы на эти решения не были безотлагательно рассмотрены и что ее адвокаты не присутствовали на заседаниях 16 сентября 2009 года и 1 февраля 2010 года, в ходе которых рассматривался вопрос о ее содержании под стражей. Она ссылаясь на статьи 5 и 6 Конвенции. Суд рассмотрит данные жалобы по пункту 4 статьи 5 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 25 октября 2007 года по делу «Лебедев против России» (*Lebedev v. Russia*), жалоба № 4493/04, пункт 72), который гласит:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Доводы сторон

277. Заявительница утверждала, что в течение всего периода ее содержания под стражей в отношении него не была проведена процедура судебного пересмотра. Она утверждала, в частности, что, несмотря на то, что она находилась незаконно под стражей на основании двух соответствующих решений прокуроров и ее содержание под стражей в любом случае являлось незаконным после 3 сентября 2009 года, в отношении ее содержания под стражей не была проведена процедура судебного пересмотра на основании жалоб, поданных ей согласно статьи 125 УПК РФ в Тверской и Мещанский районные суды. Разбирательства по этим жалобам были завершены 31 марта, 12 и 19 апреля 2010 года соответственно, а поданный ей гражданский иск в отношении следственного изолятора был отклонен окончательным решением от 25 мая 2010 года. Кроме того,

заявительница указала на то, что ее жалобы в отношении судебных решений о содержании под стражей не только не были рассмотрены безотлагательно, но и не рассматривались еще долгое время после истечения данного срока содержания под стражей.

278. Заявительница также утверждала, что поскольку заседание 16 сентября 2009 года первоначально было назначено на 15:00 в вышеуказанный день, Мещанский районный суд по причине плохой организации своего времени, начал рассматривать дело в отношении нее позднее, о чем не были извещены ее адвокаты. Ссылаясь на вышеуказанное постановление по делу «Лебедев против России» (пункт 89), она утверждала, что рассмотрение дела в отсутствие ее адвокатов представляло собой нарушение пункта 4 статьи 5 так же, как и рассмотрение дела в их отсутствие 1 февраля 2010 года.

279. Власти утверждали, что заявительница могла свободно обжаловать решения о заключении ее под стражу, вынесенные национальными судами, в соответствии со статьей 125 УПК РФ, и что она воспользовалась этой процедурой, подав в суды большое количество жалоб. Также заявителнице была предоставлена возможность обжаловать судебные решения о заключении ее под стражу, и все поданные ей соответствующие жалобы были рассмотрены судами кассационной инстанции.

280. По утверждению Властей, заявительница присутствовала на обоих заседаниях, на которых рассматривался вопрос о ее содержании под стражей, от 16 сентября 2009 года и 1 февраля 2010 года. Кроме того, из текста решения, принятого на первом заседании, усматривается, что адвокаты заявителницы были должным образом информированы о заседании, однако не присутствовали на нем, так как решили покинуть здание суда еще до его начала. Что касается их отсутствия на заседании 1 февраля 2010 года, кассационный суд оставил без движения решение суда первой инстанции именно на этом основании. Следовательно, указанный недостаток был устранен на национальном уровне.

Б. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

281. Суд отмечает, что замечания заявителницы по пункту 4 статьи 5 Конвенции особенно касаются трех аспектов разбирательств по вопросу заключения ее под стражу в ожидании выдачи: наличие судебного пересмотра ее содержания под стражей в ожидании выдачи, безотлагательность пересмотра судебных решений о заключении ее под стражу и отсутствие ее адвокатов при рассмотрении дела 16 сентября 2009 года и 1 февраля 2010 года.

282. Что касается третьего аспекта, Суд отмечает, что 31 марта 2010 года Московский городской суд оставил без движения решение о заключении заявительницы под стражу от 1 февраля 2010 года именно на том основании, что адвокаты заявительницы не присутствовали на рассмотрении дела районным судом, поскольку не были надлежащим образом уведомлены о нем, и направил дело на новое рассмотрение судами того же уровня юрисдикции (см. пункт 139 выше). Далее, на последующем слушании 8 апреля 2010 года вопрос был рассмотрен в присутствии адвокатов заявителей (см. пункт 142 выше). Соответственно, Суд принимает довод Властей и считает, что заявительница перестала считаться жертвой предполагаемого нарушения ее прав в соответствии с пунктом 4 статьи 5 1 февраля 2010 года. Следовательно, данная часть жалобы должна быть отклонена в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

283. В отношении утверждения заявительницы о рассмотрении дела в отсутствие ее адвокатов 16 сентября 2009 года, Суд хотел бы напомнить, что требование процессуальной справедливости в соответствии с пунктом 4 статьи 5 не предполагает применения единого неизменного стандарта вне зависимости от контекста, фактов и обстоятельств. Хотя не всегда необходимо, чтобы процедура, предусмотренная пунктом 4 статьи 5 Конвенции, сопровождалась такими же гарантиями, которые действуют при рассмотрении уголовного дела или гражданско-правового спора в соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, как упоминалось выше, она должна носить судебный характер и обеспечивать гарантии, соответствующие рассматриваемому виду лишения свободы (см. вышеуказанное постановление по делу «А. и другие против Соединенного Королевства», жалоба № 3455/05, пункт 203, ECHR 2009). Разбирательство должно быть состязательным и должно обеспечивать равенство сторон (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), жалоба № 31195/96, пункт 58, ECHR 1999 II). Важно, чтобы такое лицо имело возможность обратиться в суд и быть заслушанным либо лично, либо, при необходимости, посредством какой-либо формы представительства (см., среди других прецедентов, постановление Европейского Суда от 4 июля 2000 года по делу «Недбала против Польши» (*Niedbala v. Poland*), жалоба № 27915/95, пункт 66, и постановление Европейского Суда от 12 мая 1992 года по делу «Медьери против Германии» (*Megyeri v. Germany*), пункт 22, Series A № 237-A, в котором идет речь о содержании под стражей с точки зрения подпунктов (с) и (е) пункта 1 статьи 5 соответственно). В то же время статья 5 не содержит никакого прямого упоминания о праве на

предоставление юридической помощи в этом отношении (см. вышеуказанное постановление по делу Лебедева, пункт 84).

284. В своих утверждениях заявительница ссылалась на дело Лебедева, в котором судья, рассматривавший вопрос о содержании заявительницы под стражей, не позволил опоздавшим адвокатам заявительницы присутствовать на слушании, которое к тому моменту уже началось (вышеуказанное постановление, пункт 88). Суд отмечает, что в данном случае в частном порядке назначенные адвокаты заявительницы решили покинуть здание суда еще до того, как судья начал рассмотрение дела заявительницы. Несмотря на это, Суд принимает во внимание тот факт, что слушание началось с опозданием, что само по себе не соответствует порядку, тем не менее, он не убежден, что задержка была чрезвычайно длительной и что ответственность за поведение адвокатов заявительницы должна быть возложена на властей государства-ответчика, в особенности с учетом причин их ухода, как было заявлено районным судом, а именно, что они «не могли тратить время на ожидание» (см. пункт 126 выше). Кроме того, Суд не усматривает конкретных обстоятельств в данном деле, которые могли бы каким-либо образом помешать заявительнице воспользоваться услугами представителей ее интересов представление своих интересов в судебном заседании 16 сентября 2009 года (см., для сравнения, вышеуказанное постановление по делу Лебедева, пункты 88-91). Следовательно, данная жалоба должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом (а) пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

285. В отношении остальной части утверждений заявительницы, при которых она ссылалась на нарушение пункта 4 статьи 5, Суд считает, что данные жалобы не являются явно необоснованными по смыслу подпункта (а) пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд также отмечает, что они не являются неприемлемыми по каким-либо иным основаниям. Следовательно, они должны быть признаны приемлемыми.

2. Существо жалоб

(а) Безотлагательность пересмотра

286. Заявительница утверждала, что ее жалобы в отношении решений о заключении под стражу не были рассмотрены безотлагательно.

287. Суд повторяет, что пункт 4 статьи 5 Конвенции провозглашает право на безотлагательное рассмотрение судебного решения на вопрос законности содержания под стражей, а также на прекращение этого содержания в случае если будет доказана его незаконность (см. вышеуказанное постановление по делу Барановского, пункт 68).

Пункт 4 статьи 5 не обязывает Договаривающиеся Государства устанавливать второй уровень юрисдикции для рассмотрения вопроса о законности содержания под стражей. Однако в случаях, когда национальное право предполагает возможность обжалования, суд второй инстанции также должен соответствовать требованиям пункта 4 статьи 5, к примеру, в отношении безотлагательности рассмотрения обжалования. Следовательно, с целью определения вопроса о том, было ли соблюдено требование «безотлагательности» при рассмотрении решения, необходимо произвести общую оценку того, было ли разбирательство проведено более чем на одном уровне юрисдикции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 9 июля 2009 года по делу «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*), жалоба № 11364/03, пункт 106). В то же время, стандарт «безотлагательности» применяется менее строго, когда дело доходит до разбирательства в кассационном суде (см. вышеуказанное постановление по делу Лебедева, пункт 96, с дальнейшими ссылками).

288. Хотя количество дней, необходимых для осуществления соответствующих процедур, безусловно, важный элемент, сам по себе он не является решающим в вопросе о том, было ли постановление вынесено с требуемой безотлагательностью (см. решение Европейского Суда от 20 сентября 2007 года по делу «Мери против Нидерландов» (*Merie v. the Netherlands*), жалоба № 664/05). Прежде всего принимается во внимание усердие, продемонстрированное властями, отсрочка по вине заявительницы, и любые другие факторы, вызывающие отсрочки, за которые власти не несут ответственности (см. постановление Европейского Суда от 21 декабря 2000 года по делу «Яблонский против Польши» (*Jablonski v. Poland*), жалоба № 33492/96, пункты 91-94). Вопрос о том, было ли соблюдено право на безотлагательное принятие решения, должен решаться с учетом обстоятельств конкретного дела (см. постановление Европейского Суда по делу «Ребок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, пункт 84, ECHR 2000–XII).

289. Обращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что последние жалобы заявительницы в отношении постановления о заключении под стражу от 18 ноября 2009 года, о продлении срока ее содержания под стражей до 3 февраля 2010 года, были получены Мещанским районным судом Москвы 25 декабря 2009 (см. пункт 136 выше). Московский городской суд рассмотрел жалобу заявительницы в отношении данного постановления о заключении под стражу 9 июня 2010 года, спустя пять месяцев и четырнадцать дней (см. пункт 146 выше).

290. Кроме того, отмечается, что 31 марта 2010 года, после подачи заявителем жалоб, последняя из которых была подана 15 февраля 2010 года, городской суд отменил постановление о заключении под

стражу от 1 февраля 2010 года, которым срок заключения заявительницы под стражей был продлен до 3 апреля 2010 года (см. пункты 138 и 139 выше). Соответственно, городской суд рассматривал жалобу заявительницы в течение сорока трех дней. В ходе нового разбирательства городской суд рассмотрел жалобу заявительницы в отношении постановления о заключении ее под стражу, вынесенного 8 апреля 2010 года, 9 июня 2010 года, то есть тридцать шесть дней после ее подачи 4 мая 2010 года (см. пункты 142 и 146 выше).

291. Что касается жалобы заявительницы на постановление о заключении под стражу от 1 апреля 2010 года, которым ее содержание под стражей продлялось до 3 июля 2010 года, она была рассмотрена городским судом 14 июля 2010 года, то есть через три месяца и двенадцать дней после подачи и уже после освобождения заявительницы из-под стражи (см. пункты 141 и 148 выше).

292. Власти не оспорили того факта, а Суд не нашел каких-либо указаний, позволяющих предположить, что любые вышеупомянутые задержки в рассмотрении жалобы заявительницы на постановления о ее заключении под стражу могут быть связаны с ее поведением. На этом фоне, Суд считает, что время, которое потребовалось кассационному суду для рассмотрения жалоб заявительницы в отношении постановлений судов первой инстанции о ее заключении под стражу в данном случае — от тридцати шести дней и сорока трех дней до более чем трех месяцев и более чем пяти месяцев — может быть охарактеризовано как чрезмерно длительное. Это несовместимо с требованием «безотлагательности», предусмотренным в пункте 4 статьи 5 Конвенции.

293. Кроме того, Суд не может игнорировать того, что во всех вышеупомянутых разбирательствах суды кассационной инстанции вынесли окончательное определение уже после истечения сроков содержания под стражей, на постановления о продлении которых и подавались жалобы, и что последние из этих определений были приняты даже уже после освобождения заявительницы из-под стражи (см. пункт 148 выше). Соответственно, Суд считает, что вопрос о безотлагательности пересмотра в данном случае тесно перекликается с вопросом о его эффективности (см. постановление Европейского Суда от 26 февраля 2009 года по делу «Эминбейли против России» (*Eminbeyli v. Russia*), жалоба № 42443/02, пункт 68). В этом контексте Суд приходит к выводу, что в обстоятельствах данного дела неспособность властей осуществить безотлагательный пересмотр законности содержания заявительницы под стражей лишила этот пересмотр необходимой эффективности (см. постановление Европейского Суда по делу «S.T.S. против Нидерландов» (*S.T.S. v. the Netherlands*), жалоба № 277/05, пункт 60, ECHR 2011, с

дальнейшими ссылками, и вышеуказанное постановление по делу Эминбейли, пункт 68, с дальнейшими ссылками).

294. Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

(6) Предполагаемое отсутствие возможности добиваться пересмотра решения о заключении заявительницы под стражу

295. Суд отмечает, что заявительница утверждала, что не смогла добиться пересмотра постановлений о продлении срока заключения ее под стражу в течение всего периода заключения под стражу в ожидании выдачи.

296. Принимая во внимание свои выводы и заключения, приведенные в пунктах 293 и 294 выше, Суд считает, что нет необходимости рассматривать жалобы заявительницы, касающиеся пересмотра постановлений о содержании ее под стражей в период с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года. Следовательно, его пересмотр будет касаться периода до 18 ноября 2009 года, когда она находилась под стражей на основании двух постановлений, вынесенных прокурором транспортной прокуратуры.

297. Власти утверждают, что заявительница могла оспорить постановление о заключении ее под стражу в соответствии со статьей 125 УПК РФ, и что она воспользовалась этой процедурой путем инициирования многочисленных судебных разбирательств. Заявительница оспаривала этот довод, ссылаясь, в частности, на несколько инициированных ей разбирательств в соответствии со статьей 125 УПК РФ во время содержания под стражей на основании постановлений прокуроров о ее заключении под стражу.

298. В этой связи Суд повторяет, что если решение о лишении лица свободы принято административным органом, пункт 4 статьи 5 обязывает государства-участники Конвенции предоставить задержанному право на обращение в суд (см. постановление Европейского Суда от 18 июня 1971 года по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (*De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*), пункт 76, Series A № 12; и вынесенное позднее, в контексте содержания под стражей в ожидании выдачи, постановление Европейского Суда от 5 июня 2012 года по делу «Солиев против России» (*Soliev v. Russia*), жалоба № 62400/10, пункт 50). «Судом» с этой точки зрения может считаться орган власти, в котором действуют основные гарантии процедуры, применяемой в случаях лишения свободы (см. там же), а судебный контроль должен быть достаточно широким для того, чтобы оценивать тех условия, которые являются существенными для определения «законности» задержания лица в соответствии с пунктом 1 статьи 5 (см. постановление Европейского Суда от 29 августа 1990 года по делу «Е. против Норвегии»

(*E. v. Norway*), пункт 50, Series A № 181-A). Суд определенно и последовательно подчеркивал, что «суд», осуществляющий проверку, не просто должен выполнять консультативную функцию, но и должен иметь полномочия для «разрешения вопроса» о «законности» содержания под стражей, а также для санкционирования освобождения в том случае, если содержание под стражей является незаконным (см., среди многих других прецедентов, вышеуказанное постановление по делу «А. и другие против Соединенного Королевства», пункт 202; постановление Европейского Суда от 18 января 1978 года по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. the United Kingdom*), пункт 200, Series A № 25; вышеуказанное постановление по делу Чахала, пункт 130; позднее вынесенное вышеуказанное постановление по делу Солиева, пункт 52; и вышеуказанное постановление по делу Рустамова, пункт 175).

299. Суд отмечает, что в ряде ранее рассмотренных дел в отношении содержания заявителей под стражей в ожидании выдачи он устанавливал, что статья 125 УПК РФ не может толковаться как дающая возможность для рассмотрения судом жалоб лиц, задержанных с целью выдачи, поскольку российские суды систематически отказывали в рассмотрении жалоб лиц, оказавшихся в таком положении, на том основании, что они не являются участниками уголовного судопроизводства, возбужденного в отношении них в России (см., например, постановление Европейского Суда от 24 апреля 2008 года по делу «Исмоилов и другие против России» (*Ismoilov and Others v. Russia*), жалоба № 2947/06, пункт 50, и постановление Европейского Суда от 4 ноября 2010 года по делу «Султанов против России» (*Sultanov v. Russia*), жалоба № 15303/09, пункт 91, с дальнейшими ссылками).

300. Кроме того, Суд отметил, что в Постановлении Пленума № 1 от 10 февраля 2009 года принятом в целях разъяснения практики применения статьи 125 УПК РФ национальными судами, Верховный Суд указал, что постановление прокурора о заключении лица под стражу в ожидании выдачи поддается судебному пересмотру в соответствии со статьей 125 УПК РФ (см. пункт 163 выше). Данный подход был впоследствии утвержден Постановлением № 22 от 29 октября 2009 года (см. пункт 164 выше).

301. С учетом Постановления № 1 предметом судебного пересмотра согласно статье 125 УПК РФ может быть постановление (например, как прямо указано в тексте этой статьи — постановление прокурора о заключении под стражу, и, как подразумевается — постановление об отклонении ходатайства об освобождении), а также действие или бездействие со стороны правоохранительных органов (например, невынесение решения о продлении срока содержания под стражей)

302. В то же время Суд отмечает, что Постановление № 1 Верховного Суда особенно подчеркивает, что признавая конкретное решение, действие или бездействие государственного органа незаконным или необоснованным, судья не имеет права согласно статье 125 УПК РФ отменять оспариваемое решение или давать указание правоохранительному органу отменить его или предпринять какие-либо конкретные действия; он может только поручить ему исправить выявленные недостатки (см. пункт 163 выше). Таким образом, принимая во внимание наличие этого официального толкования применения статьи 125 УПК РФ Верховного Суда, Суд не убежден, что национальный суд был уполномочен в рамках данного правового положения принимать решение об освобождении заявительницы из-под стражи или давать указание прокурору о ее освобождении, на основании постановлений которого заявительница находилась в заключение в рассматриваемый период, даже если суд признал такое решение, действие или бездействие незаконным или необоснованным.

303. Данное толкование подкрепляется решением от 16 ноября 2009 года, в котором районный суд прямо заявил, что он не имел полномочий в соответствии со статьей 125 УПК РФ выносить решения об освобождении заявительницы из-под стражи или давать какому-либо другому органу указания на выполнения каких-либо конкретных процессуальных действий, что в контексте данного решения и Постановления № 1, по-видимому, позволяет предположить, что он также не имел полномочий давать указания прокурору, бездействие которого оспаривала заявительница, по освобождению ее из-под стражи (см. пункт 133 выше). Городской суд оставил эти выводы в силе в полном объеме и подтвердил, что суд не обладает компетенцией в соответствии со статьей 125 УПК РФ выносить решения об освобождении лица из-под стражи или поручать это какому-либо другому органу (см. пункт 140 выше). Суды пришли к таким же выводам в ходе разбирательства, инициированного заявителем в соответствии со статьей 125 УПК РФ, в результате которого 12 апреля 2010 года городским судом было вынесено решение (см. пункт 143 выше).

304. Суд также не упускает из виду того факта, что Постановление № 1 предусматривало возможность для заинтересованной стороны подать новую жалобу в суд на бездействие со стороны правоохранительных органов в случае неисправления указанных недостатков. В этом случае судья может вынести «частное определение», обращая внимание органа на ситуацию (см. пункт 163 выше). Тем не менее, Суд не убежден, что вышеупомянутый аспект можно рассматривать как «полномочия на освобождение» в

✓
соответствии с толкованием, представленным в его практике, изложенной выше.

305. В любом случае, в настоящем деле не было такой ситуации, и Власти не утверждали, и не представили никаких примеров этому из практики национальных судов, что положительное судебное решение, вынесенное в соответствии со статьей 125 УПК РФ, в момент рассматриваемых событий было способно привести к освобождению лица, находящегося в ситуации заявителяницы.

306. Принимая во внимание то, что уже было сказано выше и в отсутствие доказательств обратного, Суд не убежден, что два последующих разбирательства, на которые ссылается заявителяница и которые были инициированы в соответствии со статьей 125 УПК РФ, хотя суды, очевидно, и рассмотрели жалобы заявителяницы по существу, не имели таких недостатков (см. пункты 127, 130 и 144 выше).

307. С учетом вышеуказанного, Суд считает, что разбирательства, инициированные заявителем в соответствии со статьей 125 УПК РФ, в рассматриваемый период не соответствовали ни одному из основных требований в отношении пересмотра согласно пункту 4 статьи 5, закрепленному в прецедентной практике Суда, а именно что суд, осуществляющий пересмотр, должен иметь полномочия на освобождение заключенного (см. пункт 298 выше).

308. Таким образом, Суд постановил, что имело место нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции.

309. С учетом этого вывода, Суд не считает необходимым рассматривать оставшуюся часть доводов заявителяницы по этому вопросу.

VII. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

310. Наконец, заявителяница подала ряд других жалоб в соответствии со статьями 3, 5, 6 и 8 Конвенции.

311. Учитывая все сведения по делу, имеющиеся в его распоряжении, а также в рамках своей компетенции в отношении данных жалоб, Суд заключает, что в них не содержится признаков нарушения прав и свобод, изложенных в Конвенции либо Протоколах к ней. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VIII. ПРАВИЛО 39 РЕГЛАМЕНТА СУДА

312. Суд напоминает, что в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции настоящее решение не станет окончательным, пока

(а) стороны не заявят, что они не будут ходатайствовать о передаче дела в Большую Палату, (б) в течение трех месяцев с даты вынесения постановления не поступит запроса о передаче дела в Большую Палату, или (в) коллегия Большой Палаты не отклонит все запросы о передаче дела согласно статье 43 Конвенции.

313. Суд полагает, что указание, данное Властям Российской Федерации на основании правила 39 Регламента Суда (см. пункт 4 выше), должно продолжать действовать вплоть до вступления настоящего постановления в силу или до получения ими дальнейших указаний.

IX. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

314. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Моральный вред

315. Заявительница потребовала 150 000 евро в возмещение морального вреда за страдания, которые она испытала в результате содержания под стражей и ненадлежащего качества оказания ей медицинской помощи в заключении, а также за страдания, которые пришлось вынести ей и ее дочери вследствие разлуки на период ее содержания под стражей.

316. Власти утверждали, что они не считают нарушенным какое-либо из прав заявительницы, гарантированных Конвенцией. Если Суд несмотря на это примет иное решение, установление факта нарушения само по себе станет достаточной справедливой компенсацией. Власти сочли, что требования заявительницы о выплате компенсации морального вреда, в любом случае, были чрезмерными.

317. Суд отмечает, что он отклонил жалобу заявительницы на предполагаемое отсутствие медицинской помощи как явно необоснованную. Следовательно, в этом отношении компенсация не присуждается. В то же время, Суд установил нарушение подпункта (f) пункта 1 и пункта 4 статьи 5 в связи с незаконностью одного периода содержания заявительницы под стражей, а также недоступностью, неэффективностью и отсутствием безотлагательности пересмотра ее содержания под стражей в ожидании выдачи. Суд признает, что заявительница, определенно испытывала страдания, которые не могут быть компенсированы только установлением факта нарушения. Таким

образом, Суд присуждает заявительнице 20 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс любой налог, который может быть взыскан с этой суммы.

А. Материальный ущерб

318. Заявительница требовала выплаты 72 341 евро в качестве компенсации материального ущерба, утверждая, что она стала инвалидом вследствие ненадлежащего оказания ей медицинской помощи во время нахождения под стражей и что после своего освобождения она была вынуждена заплатить 9 841 евро за лечение. В этой связи она представила квитанции оплаты ее лечения в частной клинике Московского института кибернетической медицины в общей сумме на 399 105 рублей, а также утверждала, что ее дальнейшие медицинские расходы составят около 2 500 евро, никакой дополнительной информации по этому поводу она не предоставила. Наконец, она утверждала, что, став инвалидом вследствие ненадлежащего оказания ей медицинской помощи в заключении в России, она не сможет работать, а учитывая, что ей было 45 лет и до пенсии ей было еще десять лет, она требовала выплаты 60 000 евро, которые она рассчитала путем умножения 500 евро, которые, по ее мнению, были соответствующим ежемесячным пособием по инвалидности, на 120 месяцев, которые оставались ей до вступления в пенсионный возраст.

319. Власти утверждали, что хотя заявительница предоставила копии чеков оплаты на суммы, составляющие 399 105 рублей, между действиями национальных органов власти и требуемой ей компенсацией не имеется причинной связи.

320. Суд отмечает, что требования заявительницы относительно выплаты компенсации за материальный ущерб относятся к ее жалобе, поданной в соответствии со статьей 3, которая была признана неприемлемой (см. пункт 247 выше). Следовательно, Суд отклоняет данное требование заявительницы.

В. Судебные издержки и расходы

321. Заявительница утверждала, что ее адвокаты представляли ее интересы в Суде бесплатно. Соответственно, она просила Суд присудить ей компенсацию за судебные издержки и расходы, оставляя определение данной суммы на усмотрение Суда.

322. Власти не представили своих замечаний относительно этого пункта.

323. Согласно прецедентному праву Европейского Суда, заявительница имеет право на возмещение судебных расходов и

издержек только если он доказал, что эти расходы были понесены в действительности, по необходимости и в разумном объеме. В настоящем деле с учетом отсутствия ссылок на конкретные цифры, Суд отклоняет требование о возмещении судебных издержек и расходов (см. постановление Европейского Суда от 26 февраля 2009 года по делу «Кудешкина против России» (*Kudeshkina v. Russia*), жалоба № 29492/05, пункт 109).

Г. Процентная ставка при просрочке платежей

324. Суд считает приемлемым, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка, плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *признал* жалобы заявительницы в части риска жестокого обращения в случае выдачи в Казахстан и отсутствия эффективных средств правовой защиты, законности содержания ее под стражей в ожидании выдачи, а также предполагаемых недостатков судебного пересмотра вопроса о ее содержании под стражей приемлемыми, а остальную часть жалобы неприемлемой;
2. *постановил*, что выдача заявительницы в Казахстан не приведет к нарушению требований статьи 3 Конвенции;
3. *постановил*, что необходимость в отдельном рассмотрении жалобы заявительницы на нарушение статьи 13 Конвенции отсутствует;
4. *постановил*, что имело место нарушение подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении заключения заявительницы под стражу в период с 3 июля по 18 ноября 2009 года;
5. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено нарушения требований подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с остальным сроком содержания заявительницы под стражей в период с 18 ноября 2009 года по 3 июля 2010 года;
6. *постановил*, что по настоящему делу не было допущено нарушения подпункта (f) пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении проведения разбирательства по вопросу выдачи;

7. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в отношении продолжительности разбирательства по жалобам заявительницы на судебные решения о ее содержании под стражей, а также неэффективности пересмотра этих решений;
8. *постановил*, что по настоящему делу было допущено нарушение пункта 4 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием у заявительницы возможности добиться пересмотра вопроса о законности ее содержания под стражей в период с 3 июля по 18 ноября 2009 года;
9. *принял решение* продлить действие указания, данного Властям в соответствии с правилом 39 Регламента Суда, что в интересах надлежащего проведения разбирательства заявительница не должна быть выслана до тех пор, пока настоящее постановление не станет окончательным, или до получения дальнейших указаний;
10. *постановил*,
 - (а) что Государство-ответчик должно выплатить заявительнице в течение трех месяцев со дня вступления постановления в силу, в соответствии пунктом 2 статьи 44 Конвенции, 20 000 евро (двадцать тысяч евро) плюс налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве морального вреда, в российских рублях по курсу, применимому на день выплаты;
 - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данную сумму начисляются простые проценты в размере, равном предельной учетной ставке Европейского центрального банка в течение периода выплаты пени плюс три процента;
11. *отклонил* остальные требования заявительницы о справедливой компенсации.

Составлено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 19 февраля 2013 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Секретарь Председатель

Изабелла Берро-Лефевр